

U 439
441

4/439
441

М. К. ЛЮБАВСКІЙ.

ВАСИЛІЙ ОСИПОВИЧЪ
КЛЮЧЕВСКІЙ

(† 12 мая 1911 г.).

ИЗДАНИЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Типографія Г. Лиснера и Д. Совако.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.
1914.

М. К. ЛЮБАВСКІЙ.

439
441

ВАСИЛІЙ ОСИПОВИЧЪ
КЛЮЧЕВСКІЙ

(† 12 мая 1911 г.).

ИЗДАНИЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

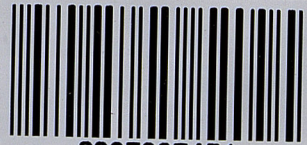
МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ Г. ЛИСНЕРА и Д. СОВКО.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.
1913.

1957

Государственная
библиотека СССР
имени В. И. Ленина

42 507-47

2007097451

Въ лицѣ скончавшагося 12 мая 1911 года Василія Осиповича Ключевского сошелъ въ могилу ученый и профессоръ, имя котораго въ исторіи науки и образованія всегда будетъ ставиться въ ряду «славныхъ», всегда будетъ произноситься съ гордостью и умиленіемъ. Съ этимъ именемъ навсегда будетъ связано воспоминаніе объ учителѣ, который не только глубоко разрабатывалъ и ясно излагалъ свою науку, но и силою своего художественнаго слова живилъ умы и сердца учащагося юношества, наполялъ ихъ мысль чувствомъ и одухотворялъ ихъ чувство мыслью.

Василій Осиповичъ происходилъ изъ духовнаго сословія. Его прадѣдъ былъ дьячкомъ, дѣдъ — дьячкомъ и затѣмъ дьякономъ въ селѣ Ключахъ Чембарскаго уѣзда Тамбовской, позже — Пензенской губерніи (отсюда и фамилія «Ключевскій»). Отецъ его Іосифъ Васильевичъ по окончаніи курса наукъ въ Пензенской духовной семинаріи въ 1838 году со званіемъ студента былъ сначала учителемъ приходскаго духовнаго училища 1 класса и вмѣстѣ дьякономъ Николаевской церкви въ городѣ Пензѣ. Въ 1840 году онъ былъ рукоположенъ во священника въ село Воскресенское Пензенскаго уѣзда. Здѣсь 16 января 1841 года и родился у него сынъ Василій. Въ 1845 году о. Іосифъ былъ переведенъ въ Городищенскій Троицкій соборъ и назначенъ законоучителемъ въ Городищенскомъ народномъ приходскомъ училищѣ; а въ слѣдующемъ 1846 году определенъ и благочиннымъ. Въ маѣ того же года онъ былъ переведенъ въ подгороднее село Можаровку съ оставленіемъ въ должности законоучителя и благочиннаго, но вскорѣ по неудобству сообщенія съ городомъ былъ уволенъ отъ этихъ должностей и остался простымъ священникомъ. Первоначальная жизненная обстановка несомнѣнно оказала сильное и, въ общемъ, благотворное вліяніе на развитіе будущаго русскаго историка. Поставивъ его близко, лицомъ къ лицу, къ русской природѣ и къ быту сельскаго населенія, эта первоначальная обстановка дала его воспримчивой душѣ рядъ неизгладимыхъ впечатлѣній, рядъ представлений, которыя облегчили ему впослѣдствіи пониманіе народной жизни въ прошедшемъ. Эта же первоначальная обстановка обвѣяла его юную душу и тѣмъ нравственнымъ тепломъ, которымъ, несмотря ни на что, согрѣта трудовая жизнь русской деревни. Та симпатія къ русскому крестьянину-земледѣльцу, которою проникнуты научно-литературные труды Василія Осиповича, его обостренный интересъ къ судьбамъ этого крестьянина,

восходить своимъ первоначаломъ несомнѣнно къ впечатлѣніямъ его дѣтства. Здѣсь же надо искать отчасти объясненія и тѣмъ изслѣдовательскимъ симпатіямъ, которыя проявлялъ Василій Осиповичъ къ исторической дѣятельности класса, стоявшаго рядомъ съ крестьянствомъ, бывшаго н а р о д н о ю интеллигенціею, т.-е. русскаго духовенства.

Въ 1850 году жизненная обстановка Василія Осиповича рѣзко измѣнилась. 28-го августа скончался отъ паралича его отецъ Іосифъ Васильевичъ. Мать Василія Осиповича Анна Ѳеодоровна переселилась изъ Можаровки въ Пензу, гдѣ у нея была еще жива мать (вдова протоіерея Ѳедора Мошкова), и купила себѣ здѣсь небольшой домикъ. По воспоминаніямъ сестры Василія Осиповича Елизаветы Осиповны, осиротѣвшая семья стала жить очень бѣдно. Одну половину дома Анна Ѳеодоровна сдавала внаймы за три рубля въ мѣсяць, а въ другой ютилась сама съ сыномъ и двумя дочерьми. Вскорѣ по переселеніи въ Пензу Анна Ѳеодоровна отдала своего сына въ Пензенское духовное училище. Какъ сирота, оказавшій притомъ на экзаменѣ довольно хорошія способности, прилежаніе и успѣхи въ наукахъ, Василій Ключевскій былъ принятъ на казенное пособіе, на двѣнадцатирублевый «бурсачный» окладъ (съ 1853 года этотъ окладъ увеличенъ былъ до 15 рублей), что было не малымъ подспорьемъ для его матери. Въ духовномъ училищѣ Василій Осиповичъ былъ сначала среднимъ ученикомъ. Много затрудняло его довольно сильное заиканіе, которое въ концѣ-концовъ, однако, ему удалось преодолѣть. На второмъ году ученія Василій Осиповичъ былъ уже первымъ ученикомъ; первымъ же и окончилъ курсъ въ этомъ училищѣ. Въ духовной семинаріи, куда онъ поступилъ въ 1856 году, 15 лѣтъ отъ роду, первые годы онъ также большею частью занималъ первое мѣсто среди учащихся. Особенно выдавался онъ своими сочиненіями. Воспоминанія его сестры и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, знавшихъ Василія Осиповича, указываютъ и на источникъ этой литературности Василія Осиповича, кромѣ его природныхъ способностей. «Брата очень рѣдко можно было видѣть безъ книги въ рукахъ; обѣдалъ и чай пилъ — онѣ всегда были у него. Онъ никогда не ложился въ одни часы съ семьею спать, всегда сидѣлъ, а когда не на что было купить свѣчку, онъ сидѣлъ съ ночникомъ, или яснѣе сказать: въ маленькій стаканчикъ вливалось конопляное масло и опускался фитиль. Или, когда въ зимнее время холодно въ комнатѣ, онъ бралъ подушку и забирался на печку съ этимъ же ночникомъ и читалъ». Читалъ онъ внимательно и вдумчиво, и результаты были блестящіе. О. протоіерей Масловскій слышалъ отъ одного изъ товарищей Василія Осиповичъ слѣдующій разговоръ: «Однажды Степанъ Васильевичъ Масловскій (преподаватель философіи), всегда ровный, тихій и спокойный пришелъ въ классъ на урокъ съ замѣтною ажитаціею и одушевленіемъ и, положивъ на столъ связку прочитанныхъ имъ наканунѣ сочиненій учениковъ (классный экспромптъ) на тему по психологіи довольно замысловатую и содержательную, ничего не говоря, подошелъ къ Ключевскому и, положивъ ему руку на плечо, ска-

залъ вслухъ всего класса: «ну, г. Ключевскій, вы свое сочиненіе написали во всѣхъ отношеніяхъ такъ прекрасно, что я такъ не написалъ бы». Кромѣ философіи, Василій Осиповичъ проявлялъ въ семинаріи большой интересъ къ историческимъ наукамъ. Онъ самъ рассказывалъ вполѣдствіи, что еще въ семинаріи онъ перечиталъ труды по русской исторіи Татищева и Карамзина. Чтеніе расширило его умственный кругозоръ, и ему уже стало тѣсно въ духовной школѣ и въ духовномъ званіи, захотѣлось въ университетъ, на вольную волю...

Въ декабрѣ 1860 года, уже состоя ученикомъ высшаго богословскаго отдѣленія, Ключевскій подалъ прошеніе объ увольненіи его изъ семинаріи. Прошеніе мотивировано было стѣснительными домашними обстоятельствами и слабостью здоровья. Начальству духовной семинаріи не хотѣлось выпускать даровитаго ученика, котораго оно приуготовляло къ поступленію въ академію, да и боялось оно гнѣва строгаго архіерея Варлаама, который не особенно долюбивалъ выходовъ семинаристовъ изъ духовнаго званія. Рѣшили воспользоваться тѣмъ, что Ключевскій получалъ казенное содержаніе, и написали докладъ преосвященному Варлааму съ слѣдующимъ заключеніемъ: «Такъ какъ положеніемъ Святейшаго Синода 1829 года постановлено, чтобы каждый, совершившій курсъ въ духовныхъ училищахъ на содержаніи сихъ училищъ, обязанъ былъ, если потребуетъ начальство, въ благодарность за свое воспитаніе, служить по духовному вѣдомству не менѣе четырехъ лѣтъ и такъ какъ ученикъ Ключевскій постоянно пользовался значительнымъ казеннымъ пособіемъ, то въ прошеніи объ увольненіи его изъ семинаріи отказать». Преосвященный Варлаамъ, съ своей стороны, очень неблагосклонно относился къ намѣренію Василія Осиповича. По воспоминаніямъ его сестры, онъ пригрозилъ не дать обѣщаннаго сестрѣ его прихода, если Ключевскій уйдетъ въ университетъ. По разсказу самого Василія Осиповича, на декабрьскихъ экзаменахъ, освѣдомившись о его желаніи поступить въ университетъ, онъ замѣтилъ ему: «успѣлъ бы дуракомъ-то быть». «И все-таки, — добавляетъ Василій Осиповичъ, — несмотря на такой его комплиментъ, я преосвященнаго Варлаама вспоминаю всегда съ глубокою благодарностью. Дѣло «дуракомъ» только для меня и кончилось. Въ семинаріи онъ меня не задержалъ, денегъ казенныхъ съ меня не взялъ и, по всей вѣроятности, внесъ за меня свои». Варлаамъ не призналъ юридической логики за постановленіемъ семинарскаго правленія и написалъ на немъ такую резолюцію: «Ключевскій не совершилъ еще курса ученія и, слѣдственно, если онъ не желаетъ быть въ духовномъ званіи, то его и можно уволить безпрепятственно». Такъ благополучно кончилось для Ключевского все это дѣло¹⁾.

27 февраля 1861 года, недѣлю спустя послѣ отпуска крестьянъ на волю, вышелъ на волю и нашъ Василій Осиповичъ. Между этими

¹⁾ Священникъ Сергій Артоболовскій. Варлаамъ, архіепископъ Пензенскій, стран. 177—179. Пенза, 1912 г.

двумя фактами, несомненно, была нѣкоторая внутренняя связь, а не простое, случайное совпаденіе. Въ русской общественности повѣяло новымъ, свободнымъ духомъ, стали открываться заманчивыя жизненныя перспективы, широкое поприще для приложенія способностей, и талантливому семинаристу естественно потянуло на этотъ общественный просторъ.

Въ выданномъ ему свидѣтельствѣ его способности отмѣчены «превосходными», прилежаніе — «весьма усерднымъ», поведеніе — «весьма хорошимъ», успѣхи: въ словесности — «превосходными», въ логикѣ, психологіи и патристикѣ — «отличными», въ катехизическомъ ученіи, догматическомъ богословіи, физикѣ и математикѣ и сельскомъ хозяйствѣ — «весьма хорошими», въ священномъ писаніи, гражданской исторіи, въ ученіи о вѣроисповѣданіяхъ, гоимлетикѣ, церковной исторіи, обрядословіи и медицинѣ — «очень хорошими», въ языкахъ греческомъ и латинскомъ — «хорошими», въ языкахъ нѣмецкомъ, французскомъ и еврейскомъ — «очень достаточными». Семинарія, слѣдовательно, замѣтила въ Василии Осиповичѣ будущаго почетнаго академика по разряду изящной словесности, діалектика и психолога, но не совѣмъ еще разсмотрѣла будущаго великаго историка. Быть-можетъ, впрочемъ, и самъ Василій Осиповичъ не проявилъ себя еще достаточно съ этой именно стороны.

Оставалось теперь добраться до Москвы, до университета. Для этого недоставало у Василя Осиповича главнаго — денегъ. Хотя, находясь въ семинаріи, онъ и давалъ уроки, но весь свой заработокъ отдавалъ матери, на удовлетвореніе домашнихъ нуждъ. Единственная надежда была на родственника, священника Боголюбской церкви гор. Пензы Европейцова, женатаго на родной теткѣ Василя Осиповича. Василій Осиповичъ любилъ этого дядю, обо всемъ съ нимъ совѣтовался, но по свойственной ему деликатности и застѣнчивости до послѣдней минуты своего отъѣзда онъ не рѣшался самъ начать разговоръ о деньгахъ. Наконецъ, когда дядя спросилъ его, съ чѣмъ же онъ ѣдетъ въ Москву, Василій Осиповичъ сказалъ: «Я ѣду съ вѣрою въ Бога и надеждою на васъ». Священникъ не вытерпѣлъ, заплакалъ, обнялъ Василя Осиповича и вручилъ ему нужную сумму денегъ на дорогу. Горько плакала, разставаясь съ сыномъ, мать Василя Осиповича, какъ бы предчувствуя, что ей не придется болѣе увидѣть своего сына... Василій Осиповичъ утѣшалъ мать, обѣщая пріѣхать на Рождество... Но поѣздка въ Пензу на лошадахъ, очевидно, была невозможна для Василя Осиповича, и ему такъ и не пришлось побывать у матери...

24 іюля 1861 года Василій Осиповичъ подалъ прошеніе ректору Московскаго университета о зачисленіи его для продолженія образованія своекоштнымъ студентомъ историко-филологическаго факультета «по выдержаніи установленнаго для сего полнаго экзамена». Экзамень былъ сданъ успѣшно, и осенью 1861 года Василій Осиповичъ былъ студентомъ перваго курса историко-филологическаго факультета. Въ списокѣ студентовъ этого курса числились, между прочими: Гиляровъ Федоръ,

Дриновъ Маринъ, извѣстный профессоръ Харьковскаго университета, Киршичниковъ Александръ Ивановичъ, Кондаковъ Никодимъ Павловичъ, нынѣ здравствующій профессоръ и историкъ искусства. Василій Осиповичъ сразу же занялъ среди своихъ сверстниковъ первое мѣсто по своимъ дарованіямъ и успѣхамъ. На переходныхъ экзаменахъ онъ получилъ самыя высшія отмѣтки по сравненію съ другими. Успѣхи Василія Осиповича дали ему возможность со второго года пребыванія въ университетѣ пользоваться стипендіею ¹⁾. На второмъ и третьемъ курсѣ студентъ Ключевскій получалъ маленькую стипендію Демидова, а на четвертомъ — казенную стипендію Министерства Народнаго Просвѣщенія ²⁾.

Вспоминая впослѣдствіи свои студенческіе годы, Василій Осиповичъ говорилъ и писалъ, что съ великимъ интересомъ онъ слушалъ лекціи П. М. Леонтьева, Г. А. Иванова, Ѳ. И. Буслаева, К. П. Побѣдоносцева и Б. Н. Чичерина (на юридическомъ факультетѣ). Леонтьева Василій Осиповичъ цѣнилъ, какъ великаго знатока классической древности, Иванова — какъ превосходнаго преподавателя, одного изъ немногихъ, умѣвшихъ возбуждать интересъ къ классическимъ языкамъ, Побѣдоносцева высоко ставилъ за рѣдкую ясность и отчетливость его изложенія, Чичерина — за его философію, за научныя построенія исторіи русскаго права. Въ лекціяхъ и научныхъ трудахъ Василія Осиповича и сказалось отчасти вліяніе чичеринскихъ историко-юридическихъ концепцій. Но въ особенности привлекъ вниманіе и симпатіи Василія Осиповича Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ, котораго онъ сталъ слушать съ третьяго курса. Въ то время 42-лѣтній Соловьевъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ своихъ физическихъ и умственныхъ силъ. Своими лекціями онъ произвелъ на Василія Осиповича сильнѣйшее впечатлѣніе. «Соловьевъ, — писалъ онъ впослѣдствіи въ своихъ воспоминаніяхъ о своемъ учителѣ, — давалъ слушателю удивительно цѣльный, стройной нитью проведенный сквозъ цѣль обобщенныхъ фактовъ взглядъ на ходъ русской исторіи, а извѣстно, какое наслажденіе для молодого ума, начинающаго научное изученіе, чувствовать себя въ обладаніи цѣльнымъ взглядомъ на научный предметъ» ³⁾. Надо сказать, что къ тому времени С. М. Соловьевъ закончилъ свои труды по древней русской исторіи и подвелъ имъ итоги въ своемъ «превосходномъ», по выраженію Василія Осиповича, XIII томѣ. Первоначальная концепція древней русской исторіи, данная въ его докторской диссертаци — «Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома» теперь была продумана окончательно, исправлена и дополнена на основаніи изученнаго при написаніи двѣнадцати томовъ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» матеріала. Содержавшееся въ XIII томѣ общее

¹⁾ Дѣло Совѣта за 1861 годъ, № 449.

²⁾ Отчетъ за 1861—1862 годы; Дѣло Совѣта за 1867 годъ, № 137.

³⁾ Изданія Историческаго общества при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, годъ I, стран. 191, Москва, 1896 г.

обзорѣніе не только давало превосходное изображеніе хода древне-русской исторіи, но и бросало яркій свѣтъ на новую исторію, начавшуюся со времени Петра Великаго, устанавливая ея тѣсную внутреннюю связь съ древнею. Въ сущности это была общая концепція всей русской исторіи, не доведенная только до конца. Она оказала Василию Осиповичу огромную помощь въ его самостоятельныхъ научныхъ трудахъ. Василій Осиповичъ всегда работалъ съ извѣстнымъ цѣльнымъ взглядомъ на свой предметъ; ему приходилось этотъ взглядъ углублять, исправлять въ частностяхъ, дополнять, перерабатывать, но не вырабатывать заново. Въ экономіи времени и силъ это сыграло, конечно, огромную роль. Василій Осиповичъ высоко цѣнилъ значеніе трудовъ Соловьева, писалъ въ послѣдствіи, что именемъ Соловьева будетъ обозначаться цѣлая эпоха русской исторіографіи, что всѣ современные русскіе историки должны начинать съ того, чѣмъ закончилъ Соловьевъ, что его «Исторія Россіи» одна изъ такихъ страницъ въ исторіи русскаго просвѣщенія, «на которыхъ съ отравою будетъ останавливаться и раздумываться мыслящій русскій человѣкъ»¹⁾.

Уже на студенческой скамѣ Василій Осиповичъ сталъ продолжать дѣло своего учителя. Находясь на четвертомъ курсѣ, онъ написалъ кандидатское сочиненіе на тему «Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ». Уже въ этомъ юношескомъ произведеніи Василій Осиповичъ выступилъ настоящимъ изслѣдователемъ, введившимъ въ ученый оборотъ много матеріала, критически перебраннаго и превосходно систематизированнаго. Вслѣдствіе этого его кандидатское сочиненіе признано было необходимымъ напечатать въ Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ 1866 года (№ 7—9). Но въ этомъ же произведеніи сказалось и другое основное свойство литературныхъ трудовъ Василия Осиповича — ихъ превосходный стиль, общедоступность и занимательность изложенія, вслѣдствіе чего сочиненіе было въ томъ же году переиздано для широкой публики «Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ». Книга эта очень скоро стала библиографическою рѣдкостью.

Въ маѣ 1865 года Василій Осиповичъ кончилъ курсъ историко-филологическаго факультета и 10 іюня былъ утвержденъ Совѣтомъ въ званіи кандидата историко-филологическихъ наукъ. Такъ какъ этотъ кандидатъ уже достаточно заявилъ свою ученость и способности, то по предложенію С. М. Соловьева онъ оставленъ былъ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ русской исторіи, съ содержаніемъ изъ суммъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Готовясь къ магистерскимъ испытаніямъ, Василій Осиповичъ не прерывалъ самостоятельныхъ научныхъ изысканій въ своей области. Плодомъ этихъ изысканій была его статья подъ заглавіемъ «Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря въ Бѣломорскомъ краѣ»,

¹⁾ Научное Слово 1904 г., кн. VIII, стр. 118, 119; Изданія Историческаго Общества, годъ 1, стр. 190.

напечатанная въ «Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ» 1867 года, № 7, и отдѣльно. Эта превосходная картинка изъ исторіи заселенія и хозяйственной жизни нашего сѣвера написана была Василиемъ Осиповичемъ по рукописному житію Зосимы и Савватія и рукописному же сборнику Соловецкихъ грамотъ. Повидимому, это пріобрѣтеніе къ рукописному матеріалу, касающемуся исторіи одного изъ выдающихся сѣверно-русскихъ монастырей, кромѣ совѣта С. М. Соловьева, опредѣлило направление ученыхъ работъ, предпринятыхъ Василиемъ Осиповичемъ для написанія магистерской диссертациі. По крайней мѣрѣ, въ предисловіи къ этой диссертациі онъ самъ засвидѣтельствовалъ, что «онъ обратился къ древне-русскимъ житіямъ, какъ къ самому обильному и свѣжему источнику для изученія одного факта древне-русской исторіи, участія монастырей въ колонизаціи сѣверо-восточной Руси».

Къ составленію этой диссертациі Василій Осиповичъ приступилъ тотчасъ же послѣ сдачи устныхъ магистерскихъ испытаній въ ноябрѣ 1867 года (по русской исторіи), въ февралѣ и мартѣ 1868 года (по политической экономіи и всеобщей исторіи). Тяжело досталась магистерская диссертациі Василю Осиповичу. Ему пришлось перечитать колоссальное количество рукописныхъ списковъ житій святыхъ изъ библіотекъ Синодальной, Соловецкой, графа Румянцева, Ундольскаго, Троице-Сергіевой Лавры, Московской Духовной Академіи, Московской епархіальной библіотеки, Императорской публичной библіотеки, изъ частныхъ собраній графа А. С. Уварова, Н. С. Тихонравова и Е. В. Барсова. Ограничить себя въ этомъ отношеніи оказалось труднымъ дѣломъ. «Чѣмъ болѣе входилъ онъ въ изучаемый матеріалъ, тѣмъ яснѣе становились для него два вывода: во-первыхъ, этотъ источникъ далеко не такъ свѣжъ и обилень, какъ о немъ думаютъ; во-вторыхъ, его небогатымъ историческимъ содержаніемъ нельзя воспользоваться безъ особаго предварительнаго изученія его въ полномъ объемѣ»¹⁾. Василій Осиповичъ, слѣдовательно, до извѣстной степени разочаровался въ своемъ источникѣ. Съ тяжелымъ чувствомъ вспоминалъ онъ впослѣдствіи годы, проведенные за изученіемъ житій сѣверно-русскихъ святыхъ, говаривалъ даже подчасъ, что результаты не были соразмѣрны потраченнымъ на нихъ усиліямъ. Но въ этомъ сѣтованіи сказалось только воспоминаніе о томъ томленіи, которое испытывалъ его творческій духъ, рвавшійся къ историческимъ построеніямъ и черезчуръ долго задержанный предварительною очисткою мусора, разборкою матеріала. Василій Осиповичъ одержалъ побѣду надъ самимъ собою и явилъ примѣръ такого самоотверженнаго исполненія научнаго долга, который всегда будетъ нравственно поддерживать молодыхъ ученыхъ, изнемогающихъ въ работѣ надъ сырымъ матеріаломъ. Художникъ по натурѣ, одаренный живымъ воображеніемъ и темпераментомъ, онъ кропотливо и терпѣливо перебралъ колоссальный по размѣрамъ, но небогатый по содержанію матеріалъ, который представляютъ изъ себя житія древне-русскихъ святыхъ, разсортировалъ его по рубрикамъ, далъ ему мѣткую

¹⁾ Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, стран. 1.

и блестящую оцѣнку и выбралъ изъ него тѣ крупныя исторической дѣйствительности, которыя въ немъ содержались. Изученіе житій святыхъ было для него тою суровою школою, въ которой закалился его изслѣдовательскій духъ. Изъ этой школы Василій Осиповичъ вынесъ привычку необыкновенно тщательно, до самыхъ тончайшихъ мелочей, изучать и и разбирать источники, исчерпывать до конца все, что они даютъ. Эта привычка пріобрѣтена была имъ именно въ работѣ надъ источниками, которые не много, а мало давали. Работа надъ древне-русскими житіями сдѣлала художника-творца, какимъ былъ по натурѣ Василій Осиповичъ, тонкимъ критикомъ-аналитикомъ, гармонически сочетала въ немъ несомѣстимыя, обыкновенно, свойства кропотливаго, аккуратнаго и осторожнаго изслѣдователя и широкаго творческаго размаха писателя.

Работа надъ житіями сѣверно-русскихъ святыхъ оказалась плодотворною и съ другой стороны: она заставила Василія Осиповича изучить удѣльную эпоху, къ которой преимущественно относились эти житія, и изучить такъ, какъ не удавалось никому раньше. Превосходныя страницы, посвященныя въ «Боярской думѣ» и затѣмъ въ общемъ курсѣ русской исторіи удѣльной эпохѣ, выросли несомнѣнно изъ этихъ спеціальныхъ занятій Василія Осиповича. Здѣсь ему удалось далеко опередить своихъ учителей С. М. Соловьева и Б. Н. Чичерина и дать яркую, исполненную живыхъ красокъ времени характеристику удѣльной эпохи. Нѣкоторыя изъ этихъ красокъ позаимствованы изъ изучавшихся имъ житій святыхъ. Кромѣ того, спеціальная тема изслѣдованія вовлекла Василія Осиповича въ кругъ церковно-историческихъ вопросовъ и сдѣлала его специалистомъ и въ этомъ области. Уже до выхода въ свѣтъ магистерской диссертациі Василій Осиповичъ напечаталъ цѣлый рядъ рецензій и статей на темы, такъ или иначе касавшіяся исторіи церкви. Таковы были статьи: «Новыя изслѣдованія по исторіи русскихъ монастырей. По поводу сочиненія доцента В. С. Иконникова — «Изслѣдованіе о главныхъ направленіяхъ въ наукѣ русской исторіи въ связи съ ходомъ образованности» («Православное Обзорѣніе» 1869, № 10, 12; 1870, № 4); «Церковь по отношенію къ умственному развитію древней Руси». По поводу книги А. Щапова — «Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа» («Православное Обзорѣніе» 1870, № 2); «Образцовые писатели русскихъ житій въ XV вѣкѣ» («Православное Обзорѣніе» 1870 г. № 8, 10); «Греческая церковь въ Лондонѣ въ первой половинѣ XVIII вѣка» («Православное Обзорѣніе» 1871 г., № 1). И послѣ выхода въ свѣтъ магистерской диссертациі не переставали появляться въ печати труды Василія Осиповича церковно-историческаго характера. До выхода въ свѣтъ «Боярской думы» эти труды даже преобладаютъ въ списокѣ его статей и рецензій. Таковы были статьи: «Аллилуія и отецъ Пафнуцій» («Современныя извѣстія» 1872 г., № 75); «Псковскіе споры» («Православное Обзорѣніе» 1872 г., № 9, 10, 12); предисловія къ «Сказанію о чудесахъ Владимірской иконы Божіей Матери» XII вѣка, изд. Обществомъ Любителей древней письменности (№ 30, С.-Пб. 1878 г.) и къ житію

преп. Филиппа Ирапскаго, изд. тѣмъ же Обществомъ (С.-Пб. 1879 годъ); рецензіи: на книгу о. М. И. Горчакова: «О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и св. Синода» («Православное Обзорѣніе» 1871 г., № 9, 11; Отчетъ о 15-мъ присужденіи награды графа Уварова, С.-Пб. 1874 г.); на книгу Н. С. Суворова «Наказанія церковныя» («Православное Обзорѣніе» 1877 г., № 5); на книгу о. С. К. Смирнова «Исторія Московской Духовной Академіи» («Православное Обзорѣніе» 1879 г., № 4). Послѣ выхода въ свѣтъ докторской диссертациі интересы Василія Осиповича были направлены большею частію уже въ другія области, на другіе вопросы русской исторіи. Но и въ это время появились два такихъ его литературныхъ шедевра, какъ «Содѣйствіе церкви успѣхамъ гражданскаго права и порядка», рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Московской Духовной Академіи 1 октября 1888 года (Прибавленія къ «Твореніямъ святыхъ отцовъ», 1888 г., кн. IV, и отдѣльно); «Значеніе преподобнаго Сергія Радонежскаго для русскаго народа и государства», рѣчь, произнесенная на торжественномъ собраніи Московской Духовной Академіи 26 сентября 1892 года въ память преподобнаго Сергія («Богословскій Вѣстникъ» 1892 г., № 11, и отдѣльно). Эти рѣчи были какъ бы заключительнымъ словомъ Василія Осиповича, коимъ завершились его труды и изысканія въ области исторіи русской церкви.

Магистерская диссертациія сыграла огромную роль и въ личной судьбѣ Ключевскаго. По окончаніи курса Василій Осиповичъ перебивался уроками въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и домахъ. Въ 1867 году по рекомендаціи С. М. Соловьева онъ приглашенъ былъ репетиторомъ по исторіи въ Александровское Военное Училище, гдѣ въ то время «политическую исторію» (всеобщую и русскую) преподавалъ самъ С. М. Соловьевъ. Но все это, конечно, не устраивало должнымъ образомъ молодого ученаго. Занятія житіями святыхъ въ синодальной и академической библіотекахъ дали возможность Василію Осиповичу познакомиться съ ректоромъ Московской Духовной Академіи А. В. Горскимъ и извѣстнымъ канонистомъ А. Θ. Лавровымъ, который занималъ одно время должность библіотекаря Московской Духовной Академіи. Эти ученые замѣтили и оцѣнили талантъ и познанія Василія Осиповича и въ заведеніи совѣта академіи 28 мая 1871 года настойчиво рекомендовали его въ качествѣ кандидата для замѣщенія вакантной каѳедры русской исторіи. По тогдашнему уставу духовныхъ академій отъ кандидата, не имѣющаго высшихъ ученыхъ степеней, требовалось представленіе и защита диссертациі *pro venia legendi* и прочтеніе пробной лекціи на тему по назначенію комиссіи. Въ качествѣ диссертациі *pro venia legendi* Василій Осиповичъ представилъ и 8-го іюня защитилъ свой кандидатскій трудъ «Сказанія иностранцевъ о Россіи»; пробную лекцію читалъ на тему «О житіяхъ русскихъ святыхъ, какъ источникѣ свѣдѣній для русской гражданской исторіи». 9 іюня 1871 года онъ былъ избранъ приватъ-доцентомъ академіи по каѳедрѣ русской исторіи, а послѣ того, какъ

26 января 1872 года защитилъ въ университетѣ магистерскую диссертацию и удостоенъ былъ степени магистра, избранъ былъ доцентомъ академіи (16 марта того же года).

Уже на магистерскомъ диспутѣ Ключевскій выступилъ въ качествѣ восходящей ученой звѣзды. «Несмотря на специальность предмета, — пишетъ очевидецъ, — диспутъ привлекъ въ залу (актовую) многочисленную публику. Кромѣ студентовъ и профессоровъ университета, здѣсь были и другіе ученые, а также чиновники, офицеры, коммерсанты и даже раскольники. Замѣтно было особое множество дамъ. Самый диспутъ былъ веденъ съ такимъ серьезнымъ тономъ и такимъ живымъ увлеченіемъ, что онъ представлялъ рѣдкое исключеніе изъ ряда подобныхъ диспутовъ, отзывающихся, обыкновенно, оффиціальною мертвенностью. Давно уже московская публика не слыхала въ стѣнахъ университета подобнаго ученаго спора». Въ качествѣ оппонентовъ выступали всѣ наличныя силы факультета по специальностямъ, имѣвшимъ какое-либо отношеніе къ сюжету диссертации: С. М. Соловьевъ, Н. А. Поповъ, Ѳ. И. Буслаевъ, Н. С. Тихонравовъ; изъ публики возражалъ извѣстный ученый и многолѣтній другъ Василія Осиповича Е. В. Барсовъ, бывшій тогда помощникомъ хранителя рукописей Румянцовскаго музея. Послѣдній указалъ, что диспутантъ явилъ ученому міру 250 редакцій житій, что ему приходилось разсмотрѣть для этой цѣли, по всей вѣроятности, около 5000 списковъ житій. «Хотя диссертация, — пишетъ очевидецъ, — осаждаема была со всѣхъ возможныхъ сторонъ: съ исторической, литературной, библіографической, диспутантъ съ находчивостью оградилъ ея достоинство. По прочтеніи факультетскаго отзыва и по провозглашеніи диспутанта магистромъ русской исторіи взрывъ рукоплесканій огласилъ залу: московская публика единодушно привѣтствовала новаго дѣятеля на поприщѣ русской исторіи»¹⁾.

Съ 1872 года Василій Осиповичъ состоялъ преподавателемъ трехъ учебныхъ заведеній: Александровскаго Военнаго Училища, Московской Духовной Академіи и Высшихъ женскихъ курсовъ, учрежденныхъ въ томъ же году В. И. Герье. Въ Александровскомъ Военномъ Училищѣ Василій Осиповичъ преподавалъ новѣйшую русскую исторію въ связи съ всеобщей, въ академіи и на курсахъ излагалъ всю русскую исторію. Слушатели Василія Осиповича по училищу вспоминали въ послѣдствіи (въ 1901 году, по случаю исполнившагося тридцатилѣтія его преподавательской дѣятельности), съ какимъ «захватывающимъ вниманіемъ и истиннымъ наслажденіемъ» слушали они его параллельный курсъ новѣйшей русской и всеобщей исторіи. По ихъ словамъ, Василій Осиповичъ разбилъ старый ученый предрасудокъ, что новѣйшая исторія не можетъ быть предметомъ научнаго изученія. Онъ излагалъ событія новѣйшей исторіи «съ такою глубокою основательностью и воспитательнымъ значеніемъ, которыя оказывали неотразимое вліяніе на все міро-

¹⁾ «Современныя Извѣстія» 1872 г., № 27.

созерцаніе слушателей». Съ меньшимъ восторгомъ вспоминали впоследствии о лекціяхъ Василия Осиповича и его старые слушатели по академіи и высшимъ женскимъ курсамъ. Проф. В. А. Соколовъ, бывший слушателемъ перваго курса лекцій Василия Осиповича въ Московской Духовной Академіи, говорилъ ему на его профессорскомъ юбилей: «Не могу удержаться, чтобы не засвидѣтельствовать, что съ перваго же года вы такъ сумѣли завладѣть своими слушателями, что мы внимали вамъ, можно сказать, съ замираніемъ сердца; и мы начали собою тотъ длинный рядъ вашихъ поклонниковъ, который непрерывно тянется теперь уже десятки лѣтъ»¹⁾. Извѣстная художница Е. Д. Полѣнова писала: «Сейчасъ возвратилась съ лекціи Ключевского. Какой это талантливый человѣкъ! Онъ читаетъ теперь о древнемъ Новгородѣ и прямо производитъ впечатлѣніе, будто это путешественникъ, который очень недавно побывалъ въ XIII—XIV вѣкѣ, приѣхалъ и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ рассказываетъ все, что тамъ дѣлалось у него на глазахъ, и какъ живутъ тамъ люди, и чѣмъ интересуются, и чего добиваются, и какіе они тамъ»²⁾.

Тайна обаянія курсовъ Василия Осиповича заключалась не только въ Богомъ данномъ ему талантѣ, въ ясности и отчетливости его мысли, въ мѣткости его вычеканеннаго слова, но и въ томъ, что съ кафедры онъ излагалъ не литературу предмета, а плоды своей неустанной работы надъ источниками при помощи этой литературы. Это постоянное общеніе съ источниками обусловливало оригинальность и конкретность его изложенія, свободу его отъ установившихся шаблоновъ, давало ему возможность облекать это изложеніе въ живые образы временъ. Слушатели Василия Осиповича какъ бы перечитывали вмѣстѣ съ нимъ въ аудиторіи лѣтописи и хартіи. Василий Осиповичъ удивительно гармонически сочеталъ свою преподавательскую и научную дѣятельность. Онъ изучалъ для того, чтобы не преподавать, какъ говаривалъ онъ, въ кредитъ; и тѣ лекціи, которыя ему приходилось по необходимости читать въ кредитъ, были для него, по его признанію, своего рода мученіемъ. Подчиняя такъ преподаваніе самостоятельному изученію предмета, Василий Осиповичъ и, наоборотъ, — научное изученіе до извѣстной степени подчинялъ задачамъ преподаванія. Совершенствуясь неустанно, какъ преподаватель, онъ совершенствовался въ то же время и какъ ученый. Его курсъ выросъ изъ самостоятельныхъ изслѣдованій, а эти послѣднія выросли, въ свою очередь, изъ курса. Такъ создалась постепенно и какъ бы незамѣтно и докторская диссертация Василия Осиповича «Боярская дума древней Руси», которую онъ написалъ, не уединяясь отъ текущей работы по преподаванію. Эта диссертация, напечатанная сначала въ «Русской Мысли» (1880 и 1881 гг.), а затѣмъ отдѣльною книгою, выдержала еще четыре изданія (Москва 1882, 1883, 1902, 1909). Причина этому та, что

¹⁾ «Богословскій Вѣстникъ», 1896 г., № 12, стран. 480.

²⁾ «Богословская энциклопедія», ст. С. А. Бѣлокурова.

книга была не только спеціальною монографією, но и общимъ изложениемъ хода древне-русской исторіи, и даже больше послѣднимъ, чѣмъ первою.

Къ концу семидесятихъ годовъ репутація Василя Осиповича, какъ крупнаго ученаго и талантливаго преподавателя, установилась прочно. Поэтому, когда велѣдствіе тяжкой болѣзни С. М. Соловьева возникъ вопросъ о замѣщеніи должности второго преподавателя русской исторіи въ Московскомъ университетѣ, выборъ вполнѣ естѣственно и заслуженно остановился на Василя Осиповичѣ. Ординарный профессоръ Н. А. Поповъ вошелъ въ факультетъ съ представленіемъ, въ коемъ писалъ о Василя Осиповичѣ: «Еще въ 1866 году онъ издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ «Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ», напечатанное въ видѣ приложенія къ «Московскимъ Университетскимъ Извѣстіямъ». Въ этомъ сочиненіи онъ извлекъ изъ 45 иностранныхъ писателей XV, XVI и XVII столѣтій и привелъ въ систему свѣдѣнія о Московскомъ государствѣ и его устройствѣ, раздѣливъ ихъ на 18 главъ, въ которыхъ исчерпаны были всѣ вопросы, касавшіеся государственной жизни и управленія за означенное время. Уже это первое сочиненіе обнаружило въ авторѣ способность къ сравнительному изученію и самому точному изслѣдованію историческихъ фактовъ, ибо сочиненіе это не было только сводомъ различныхъ свѣдѣній о Россіи, найденныхъ авторомъ у иностранныхъ писателей, но и заключало въ себѣ взаимную провѣрку этихъ свѣдѣній. — Черезъ пять лѣтъ г. Ключевскій издалъ еще болѣе обширное сочиненіе подъ заглавіемъ «Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ» (465 стр.). Въ этомъ сочиненіи впервые русская историческая наука получила обширный опытъ критики той литературной обработки, которой подверглись въ древней Руси біографическія данныя, сохранившіяся въ преданіи или въ непосредственныхъ разсказахъ современниковъ изъ жизни тѣхъ церковныхъ дѣятелей, которые содѣйствовали распространенію просвѣщенія и объединенію сѣверо-восточной Руси. Авторъ этого сочиненія весьма ясно указалъ на существованіе нѣсколькихъ эпохъ въ исторіи древне-русской письменности, обнимающей собою отдѣлы житій, отличилъ направленія этихъ древнихъ эпохъ и опредѣлилъ значеніе житій, какъ историческаго памятника и источника. Помимо этого главнаго достоинства названнаго сочиненія, оно получило немалое значеніе еще и потому, что въ немъ впервые разсмотрѣны были въ совокупности тѣ рукописныя сокровища, относящіеся къ русской агіографіи, которыя хранятся въ виднѣйшихъ оффиціальныхъ и частныхъ библіотекахъ Москвы и Петербурга. Этимъ сочиненіемъ г. Ключевскій занялъ видное мѣсто между русскими историческими писателями, дѣятельность которыхъ началась въ послѣднее десятилѣтіе. Кромѣ этихъ большихъ сочиненій, свидѣтельствующихъ о г. Ключевскомъ, какъ трудолюбивомъ и дѣятельномъ изслѣдователѣ въ области исторіографіи русской, слѣдуетъ указать еще на мелкія его статьи и на рецензіи, обличающія въ немъ и весьма сильнаго критика

чужихъ изслѣдованій (слѣдуетъ ихъ перечень¹). Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Ключевскій уже нѣсколько лѣтъ пользуется извѣстностью, какъ опытный преподаватель, ибо состоитъ доцентомъ по кафедрѣ русской исторіи въ Московской Духовной Академіи, преподаетъ русскую исторію въ 3-мъ Военномъ Александровскомъ училищѣ и читаетъ тотъ же предметъ на Высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ». Историко-Филологическій факультетъ, выслушавъ это заявленіе, въ засѣданіи 12 сентября 1879 года единогласно избралъ Василія Осиповича доцентомъ по кафедрѣ русской исторіи. Совѣтъ въ засѣданіи 22-го сентября избралъ Василія Осиповича большинствомъ 45 противъ 1. 12-го октября того же года Василій Осиповичъ утвержденъ былъ въ должности доцента университета попечителемъ Московскаго учебнаго округа съ оставленіемъ и въ должности доцента Московской Духовной Академіи. Въ скоромъ времени, 22-го декабря, совѣтъ Московской Духовной Академіи избралъ его экстраординарнымъ профессоромъ. Св. Синодъ указомъ отъ 27 февраля 1880 года утвердилъ его въ этомъ званіи²).

5 декабря 1879 года въ Большой словесной аудиторіи прочелъ Василій Осиповичъ свою первую лекцію въ Московскомъ университетѣ. Ключевскій сдѣлалъ въ ней общее вступленіе въ русскую исторію по смерти Петра Великаго (ему пришлось продолжать курсъ Соловьева, прерванный по болѣзни). Не смотря на нѣкоторое предубѣжденіе противъ преподавателя, пришедшаго въ университетъ изъ духовной и военной школы, лекція произвела превосходное впечатлѣніе, и Василій Осиповичъ быстро завоевалъ симпатіи студенчества. Когда въ слѣдующемъ 1880—1881 академическомъ году Василій Осиповичъ сталъ читать общій курсъ русской исторіи, его аудиторія уже была полнымъ-полна студентами-филологами и юристами. Его слушали не только тѣ, кому назначалось слушаніе по росписанію, но и тѣ, которые въ это время должны были слушать другія лекціи. Василій Осиповичъ, можно сказать, опустошалъ другія аудиторіи, и читать съ нимъ въ одинъ часъ становилось почти невысказуемо. Съ слѣдующаго академическаго года Василій Осиповичъ, кромѣ чтенія курса, началъ вести практическія занятія по источникамъ. Въ 1880—1881 академическомъ году онъ читалъ «Русскую Правду» и «Псковскую судную грамоту». Цѣлью этого чтенія, по его

¹) Кромѣ перечисленныхъ выше статей, Василіемъ Осиповичемъ были написаны къ тому времени еще слѣдующія: «Рукописная бібліотека В. М. Ундольскаго». По поводу изданія «Описанія» ея («Православное Обзорѣніе», 1870 г., № 8); Описаніе диспута Н. И. Субботина («Православное Обзорѣніе», 1874 г., № 5); рецензія на книгу Д. Д. Сонцова «Очеркъ исторіи русскаго народа до XVIII столѣтія; общинный бытъ древней Руси», Москва, 1875 г. (Учебно-воспитательная бібліотека 1875—6 годовъ, ч. 2); разборъ сочиненія Bernhardt, Geschichte Russlands, Th. II, Abth. 1 (Historische Zeitschrift, 36, Band. München, 1876). Двадцатипятилѣтіе «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева (Древняя и Новая Россія, 1877 г., № 1); Крѣпостной вопросъ наканунѣ законодательнаго его возбужденія — по поводу 2-го тома сочиненій Ю. О. Самарина («Критическое Обзорѣніе», 1879 г., № 3).

²) Дѣло Совѣта за 1879 годъ, № 341.

заявленію, было «познакомить слушателей съ языкомъ памятниковъ древне-русскаго права и въ исторіей судебныхъ и другихъ учреждений древней Руси»¹⁾. Въ слѣдующемъ академическомъ году Ключевскій читалъ и разбиралъ Судебникъ 1550 года и Котошихина. «Разборъ Котошихина состоялъ въ подробномъ изложеніи и сопоставленіи показаній Котошихина съ извѣстіями другихъ памятниковъ, русскихъ и иностранныхъ, касающихся устройства и жизни Московскаго государства въ XVII вѣкѣ»²⁾. И эти спеціальныя занятія съ чрезвычайною охотою посѣщались студентами. Василій Осиповичъ такъ артистически читалъ источники, такъ тонко ихъ анализировалъ, такъ много давалъ побочныхъ интересныхъ свѣдѣній, что участвовать въ его семинаріяхъ было прямо наслажденіемъ.

Въ короткое время Василій Осиповичъ завладѣлъ симпатіями учившагося въ Московскомъ университетѣ юношества, и когда 29-го сентября онъ появился на кафедрѣ въ актовомъ залѣ для защиты своей докторской диссертациі, ему слѣлали настоящую овацію. Актовая зала была биткомъ набита не только учащеюся молодежью, но и стороннею публикою, пришедшею посмотриѣть и послушать Василія Осиповича. Въ числѣ почетныхъ гостей были: профессоръ Московской духовной академіи преосвященный Алексій, епископъ Можайскій (въ міру А. О. Лавровъ), попечитель Московскаго учебнаго округа гр. П. А. Капнистъ, вице-губернаторъ И. И. Красовскій, городской голова Б. Н. Чичеринъ, редакторъ-издатель «Русской Старины» Семевскій, нѣкоторые профессора Московской духовной академіи и др. Оффиціальными оппонентами были: профессоръ русской исторіи Н. А. Поповъ, профессоръ исторіи русскаго права П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій; кромѣ того, возражали — проф. каноническаго права А. С. Павловъ и изъ публики извѣстный историкъ Д. И. Иловайскій. «Диспутъ носилъ болѣе характеръ дружеской бесѣды, нежели суроваго научнаго судилища, — пишетъ очевидецъ. — Ясно было для всѣхъ, что фактически докторантъ уже давно докторъ во мнѣніи ученой коллегіи, остается только оформить дѣло и совершить обрядъ вѣнчанія. Всѣ оппоненты отозвались о диссертациі г. Ключевскаго съ величайшею похвалою. Г. Поповъ заявилъ, что обильно черпаетъ изъ нея матеріалъ для своихъ лекцій, присовокупивъ, что «это лучшая похвала, какую можетъ высказать профессоръ русской исторіи». Г. Дроздовскій сказалъ, что онъ прочелъ диссертацию съ наслажденіемъ. Г. Иловайскій замѣтилъ, что она должна сдѣлаться настольною книгою для всякаго изучающаго русскую исторію... Несмотря на то, что диспутъ продолжался почти четыре часа, докторантъ велъ его съ неизмѣннымъ спокойствіемъ и самообладаніемъ, излагая отвѣты свои съ необыкновенною отчетливостію и изяществомъ»³⁾.

¹⁾ Рѣчь и отчетъ, читанные 12 января 1881 года, стран. 18.

²⁾ Рѣчи и отчеты, читанные 12 января 1882 и 1883 годовъ, стран. 17, 18.

³⁾ «Русскія Вѣдомости», 1882 г., № 268.

Въ факультетскомъ отзывѣ опредѣлялось крупное значеніе труда Василія Осиповича, не только специальное, но и общее. «Сочиненіе магистра Ключевского, — говорилось здѣсь, — составляющее плодъ многолѣтнихъ изысканій автора въ области государственнаго и общественнаго устройства русской земли, предлагаетъ рѣшеніе не одного только вопроса о происхожденіи, составѣ, дѣятельности и судьбѣ названнаго въ заглавіи учрежденія, но съ такою же подробностью касается и другихъ предметовъ, стоящихъ съ нимъ въ связи и имѣющихъ первостепенное для русской исторіи значеніе, какъ-то: исторіи сословныхъ отношеній, участія народнаго труда въ перемѣнахъ общественнаго устройства древней Руси, вліянія колонизаціи на складъ древне-русскаго общества, значенія вотчиннаго управленія въ исторіи объединенія сѣверо-восточной Руси, — путей, коими образовалось Московское государство съ его политическими порядками, и многихъ другихъ. Такимъ образомъ авторъ, изслѣдуя исторію постепенно нараставащаго и мѣнявшагося въ своемъ составѣ класса думныхъ людей и ставя ее въ связь съ другими сторонами политической и общественной жизни до Петровской Руси, вывелъ свое сочиненіе далеко за предѣлы намѣченной имъ темы, и черезъ это его трудъ изъ специальнаго изслѣдованія о боярской думѣ превратился въ общій, хотя и не всесторонній, но основанный на ближайшемъ изученіи источниковъ, очеркъ развитія политической жизни и общественнаго склада Руси Кіевской и отчасти Галицкой, Владимірска-Суздальской и отчасти Новгородской и, наконецъ, Московскаго государства». Такое общее значеніе труда Ключевского, по словамъ отзыва, обуславливается, кромѣ того, многочисленными побочными вопросами, которые нашли въ трудѣ Ключевского или рѣшеніе или перерѣшеніе¹⁾.

Провозглашеніе Василія Осиповича докторомъ русской исторіи было привѣтствовано публикою шумнымъ восторгомъ и криками «браво». Въ теченіе десяти минутъ въ залѣ стоялъ стонъ отъ рукоплесканій, которыя сопровождали Василія Осиповича до самаго университетскаго двора. — О томъ, какое впечатлѣніе произвелъ диспутъ на присутствовавшихъ, и какими симпатіями пользовался въ то время В. О. Ключевскій у учащагося юношества, даетъ понятіе корреспонденція, помѣщенная о диспутѣ въ газетѣ «Голосъ» (1882, № 269). «Истиннымъ событіемъ дня на нынѣшней недѣлѣ, — писалъ корреспондентъ, — былъ диспутъ извѣстнаго ученаго г. Ключевского, занимающаго уже нѣсколько лѣтъ въ здѣшнемъ университетѣ столь отвѣтственную каѳедру русской исторіи, осиротѣвшую послѣ смерти Соловьева. Давно уже, а можетъ-быть и никогда, древнія стѣны здѣшней almae matris не были свидѣтелями такого шумнаго и единодушнаго восторга, какъ тотъ, которымъ встрѣтила многочисленная публика и студенты появленіе г. Ключевского на каѳедрѣ. Среди благоговѣйной тишины ораторъ произнесъ свою вступительную рѣчь, которая поражала какъ глубиною содержанія, такъ и изяществомъ формы. Скромно и очень просто изложилъ онъ главныя

¹⁾ Дѣло Историко-Филологическаго Факультета 1888 года, № 16.

выводы своей диссертации, имѣющей по единогласному отзыву официальныхъ и неофициальныхъ оппонентовъ, громадное значеніе для исторіографіи... Впечатлѣніе, произведенное диспутотъ г. Ключевскаго, было близко къ восторженному энтузіазму. Знаніе предмета, мѣткость отвѣтовъ, исполненный достоинства тонъ возраженій, все это свидѣтельствовало, что мы имѣемъ дѣло не съ восходящимъ, а уже взшедшимъ свѣтиломъ русской науки. Нужно же было и видѣть, какимъ громомъ аплодисментовъ встрѣтила публика и учащаяся молодежь провозглашеніе г. Ключевскаго докторомъ русской исторіи. Кто видѣлъ это сердечное, безграничное, восторженное поклоненіе таланту высокаго учителя, тотъ не забудетъ никогда этихъ минутъ».

2 октября 1882 года Совѣтъ Московскаго университета утвердилъ Василія Осиповича въ степени доктора русской исторіи. Полная его ученая зрѣлость была признана и засвидѣтельствована официально и торжественно, и вслѣдъ затѣмъ началось быстрое возвышеніе Василія Осиповича на лѣстницѣ преподавательской іерархіи. Почти одновременно и въ университетѣ, и въ академіи возбужденъ былъ вопросъ о промоціи Василія Осиповича. Въ университетѣ этотъ вопросъ поставленъ былъ на очередь Н. А. Поповымъ и о. А. М. Иванцовымъ-Платоновымъ, которые въ своемъ представленіи факультету отъ 8-го октября указали на его «несомнѣнныя услуги русской исторіографіи и его трехлѣтнее чрезвычайно полезное преподаваніе въ званіи доцента». Согласно этому представленію факультетъ постановилъ ходатайствовать о возведеніи доцента Ключевскаго въ званіе экстраординарнаго профессора. Въ засѣданіи совѣта 13 ноября 1882 года Василій Осиповичъ былъ **единогласно** избранъ экстраординарнымъ профессоромъ Московскаго университета по кафедрѣ русской исторіи. Наканунѣ, 12-го ноября, совѣтъ Московской духовной академіи избралъ его ординарнымъ профессоромъ по той же кафедрѣ. Св. Синодъ указомъ 20 января 1883 года утвердилъ его въ этомъ званіи, а 5-го феврала того же года послѣдовало соотвѣтствующее утвержденіе и со стороны Министерства¹⁾. Въ званіи экстраординарнаго профессора университета Василій Осиповичъ пробылъ два съ небольшимъ года. 1 марта 1885 года, по ходатайству ректора и представленію попечителя Московскаго учебнаго округа, онъ былъ утвержденъ Министромъ въ званіи ординарнаго профессора²⁾.

Къ половинѣ восьмидесятихъ годовъ Василій Осиповичъ занялъ почетное и авторитетное положеніе среди своихъ товарищей по факультету и совѣту. Это обстоятельство въ связи съ проявленною работоспособностью и ревностнымъ исполненіемъ служебныхъ обязанностей было причиной того, что одновременно съ назначеніемъ декана историко-филологическаго факультета Г. А. Иванова ректоромъ университета, 27 сентября 1882 года, Василій Осиповичъ былъ назначенъ деканомъ

¹⁾ Дѣло Совѣта Императорскаго Московскаго Университета за 1882 годъ, № 464.

²⁾ Дѣло Совѣта за 1885 годъ, № 105.

историко-филологическаго факультета¹⁾. Василій Осиповичъ сдѣлался деканомъ въ трудный моментъ ломки университетской жизни, вызванной введеніемъ устава 1884 года. Онъ не сочувствовалъ въ общемъ этому уставу, но при всемъ томъ не счелъ возможнымъ уклониться отъ возложеннаго на него начальствомъ порученія. Онъ всегда стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что университету надо служить вѣрою и правдою, по мѣрѣ силъ и возможности, даже при неблагоприятныхъ условіяхъ. Поэтому онъ относился неодобрительно къ извѣстному уходу изъ Московскаго университета профессоровъ Чичерина и Дмитріева въ 1868 году. Принимая деканство, Василій Осиповичъ рассчитывалъ на улучшеніе положенія въ примѣненіи новаго устава на практикѣ. Эти же соображенія вмѣстѣ съ присущимъ ему всегда сознаніемъ служебнаго долга заставили Василія Осиповича не отказываться и отъ принятія новой должности помощника ректора, учрежденной для Московскаго университета 30 мая 1888 года (В. О. былъ утвержденъ въ этой должности 28 марта 1889 года). Впрочемъ, онъ недолго пробылъ на этой должности, созданной, главнымъ образомъ, для вѣдѣнія хозяйственной части университета, и въ концѣ 1890 года подалъ прошеніе объ освобожденіи его отъ обязанностей помощника ректора; 15-го декабря онъ получилъ увольненіе²⁾.

Съ 1891 года Василій Осиповичъ уже не занималъ никакихъ административныхъ должностей въ университетѣ и сосредоточился исключительно на преподавательской и научной дѣятельности. Преподаваніе въ Александровскомъ Военномъ Училищѣ Василій Осиповичъ покинулъ еще въ 1883 году, послѣ того, какъ сдѣлался ординарнымъ профессоромъ духовной академіи и экстраординарнымъ въ университетѣ. На Высшихъ женскихъ курсахъ Герье онъ читалъ лекціи до самаго закрытія ихъ въ 1888 году. Когда въ 1891 году была сдѣлана попытка воскресить частично высшіе женскіе курсы въ формѣ систематическихъ лекцій (100 лекцій), Василій Осиповичъ принялъ участіе въ этомъ предпріятіи и прочелъ десять лекцій по древней русской исторіи. Когда въ 1900 году Высшіе женскіе курсы возобновились, Василій Осиповичъ также началъ было читать здѣсь лекціи. Но тѣснота помѣщенія въ связи съ постоянною опасностью простуды заставила Василія Осиповича въ осеннемъ же полугодіи прекратить здѣсь чтеніе лекцій. Зато въ томъ же 1900 году Василій Осиповичъ, по усиленному настоянію великаго князя Сергія Александровича, началъ читать лекціи въ Училищѣ Живописи, Ваянія и Зодчества и продолжалъ это чтеніе до самой болѣзни своей, низведшей его въ могилу, — въ общей сложности десять лѣтъ. Молодые художники слушали Василія Осиповича съ неменьшимъ вниманіемъ и любовью, какъ и студенты и курсистки, и Василій Осиповичъ чрезвычайно доволенъ былъ аудиторіею училища, простотою и отсутствіемъ всякаго напряженія въ своихъ отношеніяхъ къ здѣшнимъ слушателямъ. По его словамъ, онъ не столько читалъ здѣсь

1) Дѣло Совѣта 1887 г., № 554.

2) Дѣло Совѣта 1888 г., № 532.

лекціи, сколько пріятно бесѣдовалъ, отдыхалъ въ обществѣ молодыхъ художниковъ, чрезвычайно интересовавшихся исторіей, предлагавшихъ ему разные вопросы. Репутація Василія Осиповича, какъ единственнаго въ своемъ родѣ преподавателя, была причиной того, что Государь Императоръ Александръ III соизволилъ поручить ему преподаваніе политической исторіи великому князю Георгію Александровичу. Для этого Василій Осиповичъ былъ командированъ на Кавказъ въ Аббасъ-Туманъ, съ 1 ноября 1893 года до 1 апрѣля 1894 года, а затѣмъ съ 20 декабря 1894 до 1 марта 1895 года. Но больше всего Василій Осиповичъ отдавался дѣлу преподаванія, конечно, въ университетѣ и духовной академіи. Въ духовной академіи онъ читалъ обычно четырехчасовой общій курсъ русской исторіи и, кромѣ того, руководилъ студентами въ написаніи семестровыхъ и кандидатскихъ сочиненій по русской исторіи. Въ университетѣ его преподаваніе носило болѣе полный и разнообразный характеръ. Съ 1880—1881 академическаго года до 1887—1888 включительно, т.-е. до введенія въ дѣйствіе учебныхъ плановъ по новому уставу, Василій Осиповичъ читалъ филологамъ и юристамъ совмѣстно одинъ годъ древнюю русскую исторію (до смутнаго времени включительно) и другой годъ новую исторію. Наиболѣе полный курсъ ему удалось прочитать въ послѣдній изъ этихъ годовъ (законченъ обзоромъ реформъ Александра II). Сверхъ того обычно велись имъ практическія занятія по памятникамъ. Кромѣ упоминавшихся уже Русской Правды, Псковской судной грамоты, Судебника 1550 и Котошихина, Василій Осиповичъ читалъ и разбиралъ договоры Олега и Игоря съ греками (въ 1887—1888 ак. году), Новгородскую судную грамоту. Въ 1883—1884 академическомъ году характеръ практическихъ занятій былъ иной: студенты III и IV курсовъ читали избранныя главы первыхъ четырехъ томовъ «Исторіи Россіи» Соловьева и по нимъ излагали изустно рефераты на заданные вопросы. «Въ то же время преподаватель читалъ студентамъ курсъ, имѣвшій цѣлью пополнить ихъ свѣдѣнія по русской исторіи, вынесенныя изъ общаго курса, слушаннаго ими раньше. Въ этихъ дополнительныхъ чтеніяхъ подробнѣе изложены были явленія нашей исторіи, которыхъ въ общемъ курсѣ можно было коснуться лишь мимоходомъ. Эти явленія излагались не въ прагматической послѣдовательности, а по такимъ отдѣламъ: территорія, населеніе, правительственныя учрежденія, общественные классы и т. д. По каждому отдѣлу обзоръ доводился по возможности до половины XIX вѣка или до 1860-хъ годовъ»¹⁾. Этотъ курсъ, извѣстный среди слушателей Василія Осиповича подъ названіемъ «терминологіи русской исторіи», существуетъ въ превосходномъ литографированномъ изданіи. Въ видѣ введенія къ нему прочитанъ былъ въ первомъ полугодіи краткій курсъ соціологическаго и методологическаго характера. Въ 1886—1887 году взаимнѣ практическихъ занятій Василій Осиповичъ читалъ студентамъ старшихъ курсовъ очеркъ исторіи сословій въ Россіи по памятникамъ

¹⁾ Рѣчь и отчетъ, читанные 12 января 1884 года, стран. 165.

законодательства. Этотъ курсъ записанный слушателями Василия Осиповича и выправленный самимъ лекторомъ, изданъ былъ сначала въ литографіи, а въ текущемъ году напечатанъ подъ редакцію А. И. Юшкова. (Исторія сословій въ Россіи. Москва 1913 г.). Съ 1888—1889 академическаго года характеръ преподаванія Василия Осиповича нѣсколько измѣнился. Онъ сталъ читать уже каждый годъ сокращенный общій курсъ русской исторіи студентамъ филологамъ второго курса. Третьему и четвертому курсу совмѣстно онъ излагалъ одинъ годъ — обзоръ русской исторіографіи, а другой — годъ обзоръ источниковъ русской исторіи съ выдержками изъ нихъ. Въ связи съ этими чтеніями велись и самостоятельныя занятія студентовъ въ видѣ рефератовъ; сверхъ того профессоръ руководилъ занятіями студентовъ по избраннымъ ими отдѣламъ. Такъ продолжалось до 1902—1903 академическаго года, когда Василий Осиповичъ, уже закончившій свою штатную службу въ университетѣ, разрѣшилъ себѣ отдыхъ и совсѣмъ не читалъ лекцій. Съ 1903—1904 академическаго года Василий Осиповичъ читалъ уже только новую русскую исторію, не ведя практическихъ занятій, за исключеніемъ 1906—1907 года, когда онъ читалъ обзоръ русской исторіографіи и принималъ отъ студентовъ рефераты въ связи съ чтеніемъ этого курса. Въ началѣ 1909—1910 академическаго года Василий Осиповичъ уже прекратилъ, по разстроенному здоровью, преподаваніе въ университетѣ, не теряя однако надежды на его возобновленіе (въ обзорѣннѣ преподаванія за 1910—1911 годъ фигурируетъ предложенный имъ курсъ). Въ духовной академіи Василий Осиповичъ прекратилъ преподаваніе еще въ 1906 году. Занявшись печатаніемъ своего курса, Василий Осиповичъ уже не могъ тратить время для поѣздокъ въ духовную академію, отнимавшихъ у него въ общей сложности три дня въ недѣлю. Въ Училищѣ Живописи, Ваянія и Зодчества Василий Осиповичъ читалъ до начала 1910—1911 академическаго года, когда уже слегъ въ постель.

Отдавая много времени и силъ дѣлу преподаванія, Василий Осиповичъ попрежнему, какъ и въ семидесятыхъ годахъ, совершенствовалъ это преподаваніе неустанною самостоятельною разработкою науки русской исторіи. Въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ онъ напечаталъ цѣлый рядъ капитальныхъ этюдовъ по экономической, соціальной и политической исторіи Россіи, которые такъ же, какъ и «Боярская дума», органически связаны съ его общимъ курсомъ, и являются какъ бы его дополненіями, оправдывающими высказанныя въ немъ положенія. Самыми крупными изъ нихъ являются: «Русскій рубль XVI—XVIII вв. въ его отношеніи къ нынѣшнему» (Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1884, кн. 1); «Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи» («Русская Мысль», 1885, № 8, 10); «Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи» («Русская Мысль», 1886, № 5, 7, 9, 10); «Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси» («Русская Мысль», 1890, № 1; 1891, № 1; 1892, № 1); «Западное вліяніе въ Россіи XVII в. («Вопросы философіи и психологіи», 1897, кн. 36, 38, 39 и

отдѣльно); Смѣна. Боярство и дворянство («Русская Мысль», 1899, № 1 и отдѣльно). Напечаталъ Василій Осиповичъ и нѣкоторые этюды, выполненные имъ въ связи съ чтеніемъ специальныхъ курсовъ по исторіографіи источникамъ. Таковы были: «И. Н. Болтинъ» («Русская Мысль», 1892 г., № 11); О Судебникѣ царя Ѳедора Ивановича (Сборникъ Московскаго Главнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, вып. 7, Москва, 1900, и въ отдѣльномъ изданіи «Судебникъ царя Ѳедора Иоанновича 1589 г.»). Москва, 1900 г. Кромѣ печати, своими частными изысканіями Василій Осиповичъ дѣлился устно въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, членомъ которыхъ онъ состоялъ.

Въ восьмидесятихъ годахъ Василій Осиповичъ былъ дѣятельнымъ членомъ Московскаго Археологическаго Общества. Въ засѣданіяхъ его онъ сдѣлалъ цѣлый рядъ сообщеній: о хлѣбной мѣрѣ въ древней Руси («Древности Московскаго Археологическаго Общества», т. X. Москва, 1885, протоколы); по поводу открытой А. С. Павловымъ дополнительной статьи къ «Русской Правдѣ»: «о установленіи татѣбы» (Древности, т. XI, вып. 2, Москва, 1896 г., протоколы); замѣчаніе о гривнѣ кунъ (Древности, т. XI, вып. 3, Москва, 1887 г.). Въ восьмидесятихъ же годахъ началъ Василій Осиповичъ выступать съ докладами и въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ (19 апрѣля 1886 года читалъ рѣчь о В. Н. Татищевѣ, какъ историкѣ. «Чтенія», 1886 г., кн. IV, протоколы). Послѣ того, какъ онъ былъ избранъ здѣсь предсѣдателемъ (21 февраля 1893 года), онъ читалъ ученые доклады уже преимущественно въ этомъ обществѣ. Между прочимъ имъ прочитаны были здѣсь, кромѣ рѣчей въ торжественныхъ засѣданіяхъ, доклады: въ засѣданіи 21 декабря 1892 г. о значеніи историческихъ трудовъ Болтина въ ходѣ русской исторіографіи («Чтенія», 1894, кн. I, протоколы); въ засѣданіи 6 ноября 1896 года — о трудахъ Императрицы Екатерины II по русской исторіи («Чтенія», 1898, кн. II, протоколы). Кромѣ чтенія собственныхъ докладовъ, Василій Осиповичъ принималъ самое живое участіе въ обсужденіи докладовъ, предлагавшихся другими членами Общества. Онъ готовился къ этому обсужденію, изучалъ вопросы, наводилъ нужныя справки и выступалъ въ засѣданіяхъ во всеоружіи учености и таланта. Его критическія замѣчанія, дополненія и разъясненія подчасъ были интереснѣе самаго доклада и всегда оживляли засѣданія даже съ узко-спеціальными сообщеніями. Дѣятельность Общества подъ руководствомъ Ключевского стала неузнаваема (до его предсѣдательства засѣданія проходили большею частью въ чтеніи бумагъ). Ключевскій въ Обществѣ Исторіи и Древностей былъ не просто предсѣдателемъ, а ученымъ вождемъ и инструкторомъ (онъ оставался предсѣдателемъ до 10 апрѣля 1905 года).

Дѣятельнымъ членомъ былъ Василій Осиповичъ и въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности, гдѣ имъ прочтено было нѣсколько рѣчей о Пушкинѣ (см. ниже) и «Борисъ Годуновъ съ исторической точки зрѣнія» (10 января 1887 года). Надо сказать, что Василій Осиповичъ былъ дѣйствительно любителемъ Россійской словесности и изучалъ ее

съ великимъ интересомъ, внося въ это изученіе особые, чисто историческіе приемы. Результатомъ этого изученія былъ рядъ превосходныхъ этюдовъ, мастерски воспроизводившихъ ту общественную почву, на которой вырастали какъ самыя дѣятели нашей литературы, такъ и воспроизведенные имъ типы. Таковы были, кромѣ извѣстной рѣчи «Евгеній Онѣгинъ и его предки», статья «Грусть», посвященная памяти М. Ю. Лермонтова («Русская Мысль», 1891, № 7), «Недоросль Фонвизина, опытъ историческаго объясненія учебной пьесы». («Искусство и наука», 1896, № 1). Эти этюды являются превосходными очерками изъ исторіи русской культуры и общественности.

Работая непрерывно и послѣдовательно, преимущественно въ одномъ направленіи — совершенствованія общаго курса русской исторіи, Василій Осиповичъ не уклонялся и отъ тѣхъ работъ, которыя возлагались на него, такъ сказать, извнѣ и болѣе или менѣе случайно, въ силу его officialнаго положенія, а также и въ силу установившейся репутаціи художника слова, блестящаго оратора. И эти работы, такъ сказать, случайнаго характера, онъ умѣлъ органически сочетать съ своею основною работою, производившеюся по внутреннимъ движеніямъ его научной мысли, и результаты этихъ побочныхъ работъ гармонически соединять съ результатами основной работы. У Василія Осиповича никогда не пропадалъ даромъ потраченный имъ трудъ. Среди такихъ работъ на первомъ мѣстѣ надо поставить диспуты, въ которыхъ Ключевскій выступалъ оппонентомъ. Эти диспуты привлекали всегда множество студентовъ и сторонней публики. Приходили слушать не столько диспутантовъ, сколько Ключевского, обнаружившаго при этомъ всю глубину и широту своей эрудиціи, тонкость критики и блескъ остроумія. Первое выступленіе Ключевского въ Московскомъ университетѣ имѣло мѣсто на магистерскомъ диспутѣ В. И. Семевского, 17 февраля 1882 года, защищавшаго диссертацию «Крестьяне въ царствованіе Екатерины II». Личность и труды диспутанта уже завоевали прочныя симпатіи учащейся молодежи, и Семевского встрѣчали и провожали шумными привѣтствіями. При такихъ обстоятельствахъ роль *advocatus a diaboli* была особенно трудна. И несмотря на это Василій Осиповичъ заставилъ себя слушать не только съ терпѣніемъ, но и съ великимъ интересомъ и сочувствіемъ, хотя критика его въ общемъ была неблагопріятна диспутанту. Студенты-филологи старшихъ курсовъ, въ томъ числѣ и пишущій эти строки, выходили съ диспута съ чувствомъ гордости за своего профессора, показавшаго не только глубину познаній и остроту критики, но и великое нравственное мужество въ виду опредѣленнаго настроенія аудиторіи. Василію Осиповичу въ Московскомъ университетѣ пришлось выступать еще въ одиннадцати диспутахъ по русской исторіи, въ семи диспутахъ своихъ учениковъ и въ четырехъ диспутахъ стороннихъ лицъ. 4 мая 1882 года Василій Осиповичъ былъ оппонентомъ на докторскомъ диспутѣ Г. И. Перетятковича, защищавшаго диссертацию «Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вв.»; 23 мая 1887 года — на докторскомъ диспутѣ Д. И. Багалѣя, защищав-

шаго «Очерки изъ исторіи колонизаціи степной украины Московскаго государства»; 16 февраля 1889 года — на докторскомъ диспутѣ В. И. Семевского, защищавшаго «Крестыанскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка»; 17 мая 1892 года — на магистерскомъ диспутѣ П. Н. Милюкова, защищавшаго диссертацию «Государственное хозяйство Россіи въ первую четверть XVIII вѣка и реформа Петра Великаго»; 22 мая 1894 года — на магистерскомъ диспутѣ М. К. Любавскаго, защищавшаго диссертацию «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго Статута»; 25 мая 1897 года — на магистерскомъ диспутѣ Н. Н. Фирсова, защищавшаго «Русскія торгово-промышленныя комиссіи въ первой половинѣ XVIII вѣка»; 19 мая 1900 года на магистерскомъ диспутѣ Н. А. Рожкова, защищавшаго свое «Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в.»; 28 мая 1901 года — на докторскомъ диспутѣ 2. К. Любавскаго, защищавшаго диссертацию «Литовско-Русскій сеймъ»; 2 ноября 1902 года — на магистерскомъ диспутѣ М. М. Богословскаго, защищавшаго диссертацию «Областная реформа Петра Великаго»; 19 декабря 1903 года — на магистерскомъ диспутѣ А. А. Кизеветтера, защищавшаго свою «Посадскую общину въ Россіи XVIII вѣка»; 3 декабря 1906 года на магистерскомъ диспутѣ Ю. В. Готьѣ, защищавшаго «Замосковный край въ XVII в.»

Изъ всѣхъ этихъ оживленныхъ диспутовъ особымъ интересомъ отличались диспуты Семевского, Милюкова, Фирсова, Рожкова и Готьѣ, на которыхъ Ключевскій былъ въ особомъ ударѣ. Извѣстія, идущія изъ академическихъ круговъ, единодушно устанавливаютъ, что и въ духовной академіи Василій Осиповичъ былъ столь же блестящимъ оппонентомъ, какъ и въ университетѣ. Особенно памятно его выступленіе на докторскомъ диспутѣ Е. Е. Голубинскаго, въ качествѣ диссертации представившаго первую часть своей «Исторіи русской церкви». Диспутантъ подавляющей ученой эрудиціи въ лицѣ Васи́лія Осиповича нашель доброжелательнаго, но при всемъ томъ строгаго критика, даващаго иную постановку и освѣщеніе нѣкоторымъ основнымъ вопросамъ, касающимся источниковъ по древнѣйшей исторіи русской церкви. Къ диспутамъ Василій Осиповичъ вообще готовился необыкновенно тщательно, входилъ въ существо вопроса, пересматривалъ источники. Всякій диспутъ для него былъ серіозною научною работою, и онъ нерѣдко покряхтывалъ, когда поспѣвала диссертация, и ему надо было ее разсматривать. Но, принимаясь подчасъ съ сокрушеннымъ сердцемъ за разсмотрѣніе диссертации, Василій Осиповичъ скоро входилъ въ интересъ къ дѣлу, начиналъ самъ разрабатывать вопросъ и приходилъ на диспутъ не только съ замѣчаніями формальнаго методологическаго характера, но сплошь и рядомъ съ существенными дополненіями и разъясненіями. Это качество ученыхъ рецензій Васи́лія Осиповича было причиною того, что Академія Наукъ не разъ поручала ему разборъ выдающихся трудовъ, представленныхъ на преміи. Такимъ образомъ Василій Осиповичъ былъ рецензентомъ извѣстной книги С. О. Платонова «Древне-русскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени

XVII вѣка, какъ историческій источникъ» (Отчетъ о 31-мъ присужденіи наградъ графа Уварова и отдѣльно, С.-Пб. 1890), труда Н. Д. Че-чулина «Города Московскаго государства въ XVII вѣкѣ» (Отчетъ о 33-мъ присужденіи наградъ графа Уварова и отдѣльно, С.-Пб. 1892); книги Н. А. Рожкова «Сельское хозяйство Московской Руси въ XVII вѣкѣ» (Отчетъ о 44-мъ присужденіи наградъ графа Уварова и отдѣльно, С.-Пб. 1904).

Къ «случайнымъ» же работамъ Василія Осиповича относятся и рѣчи, произносившіяся имъ по поводу разныхъ торжествъ. Университетъ, духовная академія и ученые общества выдвигали его, какъ мастера слова, всякій разъ, когда совершались какія-либо историческія или литературныя поминки. Изъ рѣчей Василія Осиповича особенно извѣстны: рѣчь о Пушкинѣ, произнесенная въ торжественномъ собраніи университета 6 іюня 1880 г., по случаю открытія памятника Пушкину (напеч. въ «Русской Мысли» 1880 г., № 6, и въ книгѣ О. Б. «Вѣнокъ на памятникъ Пушкину». С.-Пб. 1880); «Евгеній Онѣгинъ и его предки», произнесенная 1 февраля 1887 года въ соединенномъ засѣданіи Совѣта Московскаго университета и Общества Любителей Россійской Словесности по случаю пятидесятилѣтія со дня смерти Пушкина («Русская Мысль», 1887, № 2); рѣчь «О значеніи преподобнаго Сергія для русскаго народа и государства», произнесенная въ торжественномъ собраніи Московской духовной академіи 26 сентября 1892 года по случаю празднованія пятисотлѣтія со дня смерти Сергія Радонежскаго («Богословскій Вѣстникъ», 1892, № 11, и отдѣльно. То же подъ заглавіемъ «Благодатный воспитатель русскаго народнаго духа», («Троицкій цвѣтокъ», № 9. Москва, 1892 г., 2-е изданіе — Москва, 1899); рѣчь объ Императорѣ Александрѣ III, произнесенная въ чрезвычайномъ собраніи Общества Исторіи и Древностей 28 октября 1894 года («Чтенія», 1894 г., кн. IV, и отдѣльно); рѣчь о Н. И. Новиковѣ и его времени, произнесенная 13 ноября 1894 года въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности («Русская Мысль», 1895 г., № 1) ¹⁾.

Поминая людей и дѣла давно минувшихъ дней, Василій Осиповичъ не оставался безмолвнымъ въ отношеніи памяти сошедшихъ въ могилу современниковъ, близкихъ ему по духу и дѣятельности людей. Когда умеръ С. М. Соловьевъ, Василій Осиповичъ написалъ два его некролога — одинъ для «Критическаго Обзорѣнія» (напечатанъ въ № 20 за 1879 годъ и перепечатанъ въ «Научномъ Словѣ» 1904, кн. VIII, другой для университетскаго отчета за 1879 годъ. Позже, 4 октября 1895 года, въ шестнадцатую годовщину смерти С. М. Соловьева, въ засѣданіи Историческаго Общества при Московскомъ университетѣ Василій Осиповичъ говорилъ

¹⁾ Кромѣ того въ засѣданіи Общества Исторіи и Древностей 18 мая 1895 года В. О. произносилъ рѣчь о Шафарикѣ (Чтенія 1896 г., кн. IV, протоколы); въ засѣданіи 24 апрѣля 1896 года рѣчь о просвѣтительной дѣятельности св. Стефана Пермскаго (Чтенія 1898 г., кн. II, протоколы); 26 мая 1899 года произносилъ новую рѣчь о Пушкинѣ въ торжественномъ засѣданіи Совѣта университета и Общества Любителей Россійской Словесности по случаю столѣтія со дня рожденія Пушкина.

рѣчь на тему «Соловьевъ, какъ преподаватель» (Изданіе Историческаго Общества, годъ 1. Москва, 1896 г. и въ книгѣ «Воспоминанія о студенческой жизни», изд. Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ. Москва, 1899 г.). Цѣлый рядъ рѣчей посвящены были Василиемъ Осиповичемъ памяти и другихъ его ученыхъ друзей и знакомцевъ: С. А. Усова, профессора зоологіи, историка искусства и археолога¹⁾; Г. О. Карпова, доктора русской исторіи; Д. О. Масловскаго, извѣстнаго военного историка; О. И. Буслаева, извѣстнаго ученаго и профессора Московскаго университета²⁾; М. С. Корелина, профессора Московскаго университета и преподавателя Высшихъ женскихъ курсовъ³⁾. Въ 1897 году онъ напечаталъ свои воспоминанія о Н. С. Тихонравовѣ («Вѣстникъ Европы», мартъ 1897, стран. 218—224 въ статьѣ А. Н. Пыпина о Тихонравовѣ); въ 1907 году напечаталъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» коротенькую статейку памяти Г. Б. Юллоса (№ 67). Всѣ эти статьи и рѣчи подсказаны были Василию Осиповичу движеніями его чувства, сознаніемъ нравственнаго долга предъ почившими. Къ числу трудовъ Василия Осиповича, вызванныхъ побужденіями моральнаго характера, надо отнести и его знаменитую публичную лекцію «Добрые люди древней Руси», читанную въ концѣ 1891 года въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая («Богословскій Вѣстникъ», 1892, № 1, и отдѣльно; 2-е и 3-е изд. А. Д. Ступина съ рисунками. Москва, 1896 и 1902 года) и лекцію «Два воспитанія», читанную въ пользу воскресныхъ школъ («Русская Мысль», 1893 г., № 3; Сборникъ въ пользу воскресныхъ школъ. Москва, 1894).

Журналы и газеты дорожили сотрудничествомъ Василия Осиповича и усиленно добивались отъ него статей. Большею частью эти старанія оказывались тщетными. Василий Осиповичъ не любилъ писать по заказу, давалъ только то, что у него было готово, независимо отъ ихъ требованій. Но иногда все-таки онъ уступалъ ихъ настояніямъ, если они шли на встрѣчу его собственнымъ авторскимъ влеченіямъ. Такое происхожденіе имѣютъ его статьи: юбилейная статья «Императрица Екатерина II. 1796—1896». («Русская Мысль», 1896, № 2); «Петръ Великій среди своихъ сотрудниковъ» («Журналъ для всѣхъ», 1901, и отдѣльно); «Задачи научной популяризаціи» («Научное слово», 1892, кн. 1); «Москва и ея князья въ удѣльные вѣка» («Журналъ для всѣхъ», 1905, кн. 1); «Т. Н. Грановскій» по случаю пятидесятилѣтія со дня его смерти («Русскія Вѣдомости», 1905 г. 8 окт.)

Очень рѣдко, но все-таки отзывался иногда Василий Осиповичъ и на вопросы, обсуждавшіеся въ періодической печати, если требовались его спеціальныя познанія. Такъ, въ 1881 году онъ напечаталъ въ газетѣ

¹⁾ Въ засѣданіи Московскаго Археологическаго Общества 15 ноября 1886 года Древности Московскаго Археологическаго Общества, т. XI, вып. 3, протоколы.

²⁾ Въ засѣданіяхъ Общества Исторіи и Древностей: 18 ноября 1890 года, 10 ноября 1894 г., 27 сентября 1897 г. Читенія 1892 г., кн. 1, протоколы; 1895, кн. II, протоколы; 1898 г., кн. II, протоколы.

³⁾ Въ 1899 году, въ публичномъ засѣданіи Московскаго Историческаго общества.

«Русь» статью «Право и фактъ въ исторіи крестьянскаго вопроса» (№ 28); въ 1887 году въ газетѣ «Русскія Вѣдомости» и отдѣльно «Чья земля подъ городскими рядами на Красной площади»?

Друзья и почитатели Василія Осиповича уже съ середины девяностыхъ годовъ усиленно настаивали на томъ, чтобы онъ напечаталъ свой превосходный курсъ и сдѣлалъ бы его достояніемъ всего учащагося юношества и образованнаго русскаго общества. Василию Осиповичу указывали на то, что курсъ распространяется во множествѣ литографированныхъ и далеко не исправныхъ студенческихъ записей, что было бы лучше, если бы самъ авторъ издалъ его въ свѣтъ. Но Василій Осиповичъ долгое время отклонялъ все эти настоянія, указывалъ на то, что курсъ его — непрерывно идущая впередъ работа, нуждающаяся въ постоянной обработкѣ и переработкѣ, что онъ не сказалъ въ немъ своего послѣдняго слова.

Представленіямъ, что курсъ нуженъ, какъ пособіе учащемуся юношеству, въ какомъ бы видѣ онъ ни былъ въ данный моментъ, Василій Осиповичъ пошелъ на встрѣчу тѣмъ, что составилъ и напечаталъ въ 1899 г. «Краткое пособіе по русской исторіи», обозначивъ его, какъ «частное изданіе для слушателей автора». Но это «частное» изданіе быстро расхватывалось на книжномъ рынкѣ, получило широкое распространеніе не только въ высшей, но и въ средней школѣ, и въ короткое время выдержало еще шесть изданій (1900, 1903, 1905, 1906, 1908, 1909 гг.). И только послѣ того, какъ закончилась штатная служба Василія Осиповича въ университетѣ, и онъ былъ уже въ ожиданіи близкаго конца своей преподавательской дѣятельности, приступилъ онъ къ печатанію своего курса. Первая часть его вышла въ 1904 году, вторая — въ 1906 году, третья — 1908 году и четвертая — въ 1910 году. Успѣхъ курса у читающей публики былъ колоссальный, прямо неслыханный: несмотря на то, что онъ печатался въ большомъ количествѣ экземпляровъ, первая часть выдержала еще три изданія (1906, 1908, 1910 гг.), вторая — одно (1908 г.), третья — одно (1911 г.).¹⁾ Смерть застала Василія Осиповича за приготовленіемъ къ печати пятой части, и если бы Богу угодно было продлить его жизнь, мы навѣрно имѣли бы въ оконченномъ и обработанномъ видѣ дѣло всей его жизни, которому отдавался онъ съ такою тщательностью и любовью. Этотъ курсъ навсегда останется лучшимъ памятникомъ, воздвигнутымъ самому себѣ Василіемъ Осиповичемъ, свидѣтельствомъ счастливой гармоніи великаго ученаго и блестящаго профессора, историка-соціолога и художника.

Василию Осиповичу выпало на долю рѣдкое счастье получить при жизни со всѣхъ сторонъ полную и справедливую оцѣнку своимъ ученымъ

¹⁾ Приступивъ къ печатанію курса, Василій Осиповичъ помѣщалъ нѣкоторые главы его въ повременныхъ изданіяхъ. Таково происхожденіе его статей: «А. Л. Ординъ-Нащокинъ, московскій государственный человѣкъ XVII вѣка» (Научное Слово, 1904, кн. 3); «Новая Россія и прологъ ея исторіи» (Русская Мысль) 1907, кн. 1); «Русское общество въ минуту смерти Петра Великаго» (Русская Мысль, 1909, кн. 1).

и преподавательскимъ талантамъ и заслугамъ. Первою сдѣлала это Московская Духовная Академія, праздновавшая 27 октября 1896 года двадцатипятилѣтіе профессорской службы Василия Осиповича въ этой академіи. По окончаніи литургіи въ академическомъ храмѣ о. ректоромъ академіи въ сослуженіи съ академическимъ духовенствомъ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, послѣ чего всѣ сослуживцы Василия Осиповича собрались въ комнатахъ о. ректора — для товарищеской трапезы. Передъ началомъ ея вошла депутація отъ студентовъ академіи и привѣтствовала своего любимаго профессора рѣчью, въ которой были отмѣчены его таланты и заслуги, какъ лектора. «Сходить на лекціи В. О. Ключевского, — говорилось въ этой рѣчи, — послушать его мастерскіе очерки русской исторіи, богатые запасомъ глубокихъ историческихъ познаній и тонкаго психологическаго анализа, — значитъ получить не только большое умственное, но и высокое художественное наслажденіе. Въ Вашихъ увлекательно составленныхъ очеркахъ забытыя картины нашего прошлаго возставали во всей ихъ неотразимой жизненной правдѣ и осязательной реальности; давно отжившія лица снова выступали дѣйствующими на исторической сценѣ во всей ихъ индивидуальности, со всѣми ихъ достоинствами и недостатками, какъ дѣйствительныя конкретныя личности». — Студенты благодарили Василия Осиповича за его обширную, многостороннюю и благотворную дѣятельность, какъ выдающагося ученаго историка, за его симпатичное къ нимъ отношеніе и за его неподражаемо-художественное и талантливое чтеніе лекцій. За обѣдомъ одинъ изъ сослуживцевъ Василия Осиповича, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ и первымъ его слушателемъ по академіи, проф. В. А. Соколовъ мѣтко характеризовалъ Василия Осиповича, какъ ученаго. «Въ ученыхъ трудахъ своихъ, — говорилъ онъ, — Вы обнаружили такія разностороннія достоинства, что всякій желающій историкъ можетъ найти въ нихъ для себя высокіе образцы, вполне достойные подражанія. Въ «Древне-русскихъ житіяхъ» Вы показали, какъ цѣлыя годы, не жалѣя времени, труда и силъ, копаться въ библіотекахъ и архивахъ, изучать многія сотни рукописей и, путемъ тщательнаго сличенія, строгой оцѣнки, извлекать изъ массы матеріала крупицы скрывающейся въ немъ исторической истины. А въ «Боярской думѣ» своей Вы показали, какъ изъ добытаго матеріала нужно созидать изящное, стройное зданіе. Несмотря на трудность предпринятой Вами въ этой работѣ задачи, на крайнюю часто скудость имѣющихся данныхъ, Вы силою своего таланта развернули предъ читателемъ такую широкую картину, въ которой онъ на судьбахъ одного лишь учрежденія видитъ всю и политическую, и соціальную исторію древней Руси. Но и этого мало. Вы явили себя не только образцовымъ историкомъ-критикомъ и историкомъ-прагматикомъ, но и историкомъ-художникомъ. Ваши «Добрые люди древней Руси», Вашъ «Евгеній Онѣгинъ», Ваше «Воспоминаніе о Новиковѣ», Ваши рѣчи «о значеніи преп. Сергія Радонежскаго» представляютъ собою такія блестящія, истинно-художественныя характеристики эпохъ и личностей, что смѣло могутъ поспорить съ произведе-

ніями рѣзца или кисти какихъ-либо извѣстныхъ мастро». Нѣсколько новыхъ яркихъ штриховъ къ этой характеристикѣ добавилъ доцентъ С. И. Смирновъ, недавній слушатель Василия Осиповича по академіи. Указавъ на то, какъ Василій Осиповичъ своимъ изложеніемъ захватывалъ вниманіе своихъ слушателей и разбиралъ предубѣжденіе ихъ противъ исторіи, какъ неинтереснаго предмета, г. Смирновъ говорилъ, между прочимъ: «Издали мы пугались историческихъ памятниковъ. Но Вы извлекали изъ нихъ образцы народнаго лаконизма, своеобразнаго выраженія всѣмъ близкихъ движеній человѣческаго ума и сердца. На основаніи этихъ памятниковъ Вы рисовали такія цѣльныя картины прошлаго, что Ваши слушатели невольно проникались къ нимъ живымъ интересомъ. Такъ сами собою и непримѣтно исчезли всѣ наши сомнѣнія на счетъ родной исторіи, и мы понимали, какъ можно полюбить ее всей душой и отдаться ей всею жизнью. Но Вы являлись передъ нами не только ученымъ и художникомъ, но и артистомъ, талантливо передающимъ въ чтеніи самыя тонкіе оттѣнки мысли, вливающимъ живое чувство въ каждый образъ. Въ Вашихъ лекціяхъ насъ поражала музыка Вашей блестящей рѣчи. Завидѣвъ Васъ на кафедрѣ, мы цѣликомъ отдавались въ Вашу власть»... Указавъ далѣе на то, что лекціи Василия Осиповича слушаютъ студенты всѣхъ группъ и курсовъ, ораторъ говорилъ: «Конечно, такъ охотно ходятъ на Ваши лекціи не даромъ. Кто заинтересовался русскою исторіей и занимается ею, внимаешь каждому Вашему слову, потому что даромъ они у Васъ не говорятся. Кто работаетъ въ какой-нибудь другой области исторіи, идетъ къ Вамъ учиться искусству анализировать явленія и синтезировать факты, — идетъ учиться писать по исторіи. Наконецъ, многіе являются къ Вамъ съ цѣлью выслушать тонкія психологическія наблюденія, оригинальныя мысли, перенять образцовую форму Вашей рѣчи, сжатой и изящной. Такъ, Ваши лекціи для многихъ студенческихъ поколѣній служили и служатъ не только ближайшему дѣлу ознакомленія съ научной постановкой русской гражданской исторіи... онѣ имѣютъ огромное значеніе въ смыслѣ общеобразовательномъ. И не даромъ, оставляя академію, каждый студентъ, у котораго было возможность и деньги, везетъ съ собою подробный курсъ Вашихъ лекцій». Въ такомъ же духѣ были и остальные рѣчи. На другой день, когда Василій Осиповичъ явился въ 11 часовъ утра на обычную свою лекцію въ аудиторію, студенты встрѣтили его восторженными рукоплесканіями. Одинъ изъ нихъ, выразивъ отъ лица всѣхъ любовь къ нему, просилъ у него позволенія облобызать его. Студенты усадили горячо любимаго ими профессора въ кресло и внесли его на кафедру. Василій Осиповичъ отвѣчалъ на это одушевленною рѣчью о призваніи профессора и служеніи научной истинѣ¹⁾.

Въ слѣдующемъ году по службѣ въ духовной академіи Василій Осиповичъ получилъ званіе заслуженнаго ординарнаго профессора (указъ

¹⁾ «Богословскій Вѣстникъ», 1896 г., № 12, стран. 475—489.

св. Синода отъ 27 января 1897 г.), а такъ какъ академическая служба приравнивается къ университетской, то этимъ званіемъ Василій Осиповичъ сталъ пользоваться и въ университетѣ. Въ 1900 году 7 октября заслуги Василя Осиповича предъ русскою историческою наукою засвидѣтельствованы были Императорскою Академіею Наукъ, избравшею его ординарнымъ академикомъ по исторіи и древностямъ русскимъ, сверхъ штата. Въ слѣдующемъ году, когда исполнилось тридцатилѣтіе его профессорской дѣятельности и закончилась его штатная служба въ университетѣ, у всѣхъ, имѣвшихъ счастье учиться у Василя Осиповича или служить вмѣстѣ съ нимъ, явилась сердечная потребность сказать ему, какъ много онъ сдѣлалъ для науки, для высшей школы, для общества. Товарищи по университету, профессоры и привать-доценты, поднесли ему адресъ, въ которомъ, отмѣтивъ особенности его преподаванія, дававшего «изумительныя по яркости и отчетливости характеристики общественнаго строенія различныхъ эпохъ русской исторіи», «неподражаемые образцы тонкаго и глубокопроникающаго анализа историческихъ документовъ», свидѣтельствовали, что далеко за предѣлы университета распространяется вліяніе Василя Осиповича. «Ваши многочисленные ученики, — говорится въ адресѣ, — приводятъ въ своемъ преподаваніи созданныя на лекціяхъ Вашихъ опредѣленія, группировки и толкованія. Содержаніе Вашихъ курсовъ, хотя и не изданныхъ, знакомо, благодаря записямъ, множеству образованныхъ людей по всей Россіи. Ваши замѣчанія и характеристики, отдѣльныя крылатыя слова и выраженія въ устахъ у многихъ и многихъ. У Васъ учатся, Вашею просвѣтительною силою питаются широкіе круги русскаго общества, а гордимся этой славой прежде всего мы, Ваши сотоварищи по факультету». Студенты, въ свою очередь, подтверждали справедливость сказаннаго профессорами. «Въ художественныхъ и яркихъ образахъ, — говорилось въ ихъ адресѣ, — съ удивительною ясностью и простотою Вы воскрешали предъ нами жизнь отжившихъ поколѣній и минувшихъ годовъ... Ваша глубокая мысль, освѣщая передъ нами, какъ яркій лучъ, далекіе горизонты, зажигала въ нашей душѣ слабо теплившійся до тѣхъ поръ чувство гражданина — и, покидая Вашу аудиторію, мы всякій разъ уносили съ собою искреннія чувства сердечной благодарности къ тому человѣку, который, уча насъ тому, какъ строится общество, училъ и какъ строить. Но Вы учили насъ не только понимать исторію, — Вы учили и учить исторіи. Ваши чтенія навсегда останутся для насъ недосыгаемымъ педагогическимъ образцомъ: такъ ясно и просто умѣете Вы поставить и разрѣшить любой, самый запутанный вопросъ, такъ умѣете всегда держать въ рукахъ Вашу аудиторію, легко и незамѣтно поддерживая ея вниманіе». Приблизительно то же самое свидѣлствуютъ и бывшіе слушатели Василя Осиповича, преподаватели среднихъ учебныхъ заведеній. Ученики Училища живописи, ваянія и зодчества въ адресѣ своемъ писали: «мы всѣ глубоко сознаемъ, какое огромное и незамѣнимое значеніе для нашей работы и въ настоящемъ, и въ будущемъ

имѣють Ваши занятія съ нами, какое благотворное вліяніе они оказываютъ на развитіе въ насъ любви къ родному искусству... Живое и яркое изображеніе въ Вашихъ чтеніяхъ прошедшихъ событій, сошедшихъ со сцены историческихъ образовъ, освѣщенное стройнымъ и глубокимъ историческимъ анализомъ не только научало, но и вдохновляло насъ. Ваша всеобъемлющая мысль, проникающая въ мельчайшія стороны человѣческой жизни, тонкое художественное чувство и живое изложеніе любимаго предмета — все это заставляетъ насъ съ восторгомъ наполнять Вашу аудиторію, заставляетъ любить исторію нашей родины». По случаю тридцатилѣтія профессорской дѣятельности привѣтствовали Василія Осиповича и преподаватели бывшихъ Высшихъ женскихъ курсовъ, припомнившіе, что Василій Осиповичъ былъ въ числѣ вѣрившихъ въ серьезность стремленія русской женщины къ наукѣ, что эту вѣру онъ подтверждалъ шестнадцатилѣтнимъ преподаваніемъ на курсахъ. Много и другихъ учреждений и частныхъ лицъ выражали тогда Василію Осиповичу чувства высокаго уваженія къ его плодотворной научной и преподавательской дѣятельности.

Когда приближалось тридцатилѣтіе профессорской службы Василія Осиповича, между учениками его созрѣла мысль издать въ честь Василія Осиповича сборникъ статей. Эта мысль осуществилась полностью. Въ сборникѣ приняли участіе не только ученики Василія Осиповича, преподаватели исторіи въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и сторонніе профессора и ученые почитатели Василія Осиповича. Получились двѣ объемистыя книги, въ пятьдесятъ слишкомъ листовъ. Въ обращеніи къ Василію Осиповичу участники сборника еще разъ констатировали, какъ много обязаны были Василію Осиповичу всѣ новыя поколѣнія историковъ. «Вашимъ курсомъ, — говорится въ этомъ обращеніи, — мы зачитывались еще въ сѣрыхъ литографіяхъ прежнихъ дней. Для многихъ изъ насъ онъ былъ первой книгой, заставившей мысль встрепенуться. Изъ него мы исходили, приступая къ занятіямъ русской исторіей. Мы шли въ глубь отдѣльныхъ вопросовъ, изучая смутное время, преобразованія Петра, литовскую Русь, исторію русской верховной власти и государственнаго тягла, судьбы русской деревни, прошлое русскаго города, отъ южной окраины Московскаго государства черезъ замосковный край или на далекій поморскій сѣверъ съ его мужицкими мірами, — надъ чѣмъ бы мы ни работали, мы всегда исходили изъ Вашего «курса» и возвращались къ нему, какъ къ тому цѣлому, отдѣльные части котораго мы изучали... «Чѣмъ бы мы ни занимались, — русской исторіей или исторіей другихъ народовъ и другихъ государствъ, литературой, языковѣдѣніемъ, правомъ или общественнымъ хозяйствомъ, — мы всегда чувствовали крѣпкую духовную связь съ Вашей работой и съ Вами»¹⁾).

¹⁾ Сборникъ статей, посвященныхъ Василію Осиповичу Ключевскому, Москва, 1909 г., стран. I—II.

Талантъ и трудъ высоко вознесли Василия Осиповича въ ученое міръ. Онъ сталъ фактически почетнымъ членомъ и академіи, и университета, и ученыхъ обществъ, членомъ которыхъ онъ состоялъ. Въ концѣ-концовъ этотъ фактъ былъ признанъ и санкціонированъ юридически. При уходѣ изъ Духовной Академіи Василій Осиповичъ былъ избранъ ея почетнымъ членомъ и 10 апрѣля 1907 года утвержденъ былъ въ этомъ званіи св. Синодомъ. Въ слѣдующемъ году 3-го ноября онъ былъ избранъ въ почетные члены разряда изящной словесности Императорской Академіи Наукъ. Въ слѣдующемъ 1909 году въ торжественномъ засѣданіи Университета и Общества Любителей Россійской Словесности по случаю открытія памятника Гоголю (26-го апрѣля) Василій Осиповичъ провозглашенъ былъ почетнымъ членомъ Общества Любителей Россійской Словесности. Наконецъ, въ 1911 году, наступилъ удобный моментъ для избранія Василия Осиповича почетнымъ членомъ и Московскаго университета.

Среди профессоровъ Московскаго университета уже давно возникла мысль объ этомъ избраніи. Но приходилось отказываться отъ ея осуществленія въ виду категорическихъ заявленій Василия Осиповича, что званіе почетнаго члена не совмѣстимо съ званіемъ члена дѣйствительнаго, что избраніе въ почетные члены равносильно приглашенію къ уходу изъ дѣйствительныхъ (по этой причинѣ воздержалось отъ избранія Василия Осиповича въ почетные члены и Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ). И только тогда, когда наступила пятидесятая годовщина освобожденія крестьянъ, товарищи Василия Осиповича по университету рѣшили избрать его почетнымъ членомъ, полагая, что этотъ внѣшній и симпатичный для Василия Осиповича поводъ лишить его возможности быть недовольнымъ своимъ избраніемъ. Въ Совѣтъ было внесено слѣдующее представленіе о. п. Любавскаго:

«Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ отошло въ область исторіи крѣпостное право въ Россіи и изъ предмета тяжкихъ злободневныхъ думъ и заботъ, изъ предмета законодательныхъ усилій, сдѣлалось предметомъ историческихъ изысканій и историческаго суда. Много ученыхъ за это прошедшее пятидесятилѣтіе посвящали силы своего ума и вдохновенія на раскрытіе и объясненіе того, какъ возникло и сложилось на Руси это крѣпостное право; еще больше было лицъ, произносившихъ надъ нимъ свой судъ... Среди этихъ ученыхъ исключительно выдающееся мѣсто принадлежитъ одному изъ нашихъ старѣйшихъ сочленовъ — заслуженному ординарному профессору Василию Осиповичу Ключевскому».

«Поступивъ въ студенты Московскаго университета въ 1861 году, въ годъ великой крестьянской реформы, когда все вокругъ было полными мыслями о русскомъ мужикѣ, объ его прошломъ и дальнѣйшей судьбѣ, объ его благѣ, Василій Осиповичъ еще на студенческой скамьѣ получилъ соотвѣтствующее умственное возбужденіе и интересъ, которые не оставляли его потомъ во все время его ученой и профессорской дѣятельности. Русскій мужикъ, крестьянинъ-земледѣлецъ и промышленникъ, сдѣлался

предметомъ его особеннаго и любовнаго вниманія въ историческомъ изученіи и изложеніи, и о чемъ бы ни приходилось трактовать Василию Осиповичу въ своихъ статьяхъ и книгахъ, на своихъ лекціяхъ, образъ этого земледѣльца и промышленника, созидавшаго русскую жизнь, никогда не сходилъ съ фона его мысленной картины. Русскій мужикъ, можно сказать, всегда былъ героемъ русской исторіи въ изложеніи В. О. Ключевского: о немъ онъ думалъ, писалъ и говорилъ, когда изображалъ первую завязь государственнаго порядка на Руси, Кіевскую Русь съ ея внѣшнею торговлею, съ ея городскими волостями и вѣчами, съ ея наносною изъ Византіи культурою; онъ же фигурируетъ у него на первомъ планѣ въ изображеніи деревенской Суздальской Руси съ ея князьями-хозяевами, боярами-землевладѣльцами и многочисленными монастырями. Крестьянинъ-земледѣлецъ и промышленникъ не ускользалъ отъ вниманія Василия Осиповича все время, пока ему приходилось изучать и излагать Московскую царско-боярскую и военно-землевладѣльческую Русь, и онъ тщательно слѣдилъ за тѣмъ, какъ въ это время стали свиваться и затягиваться узы крѣпостной неволи. Крѣпостное право, крѣпостной быть, крѣпостное хозяйство земледѣльческое и фабрично-заводское составили основной фонъ въ изображеніи Василиемъ Осиповичемъ Руси новой, императорско-дворянской, съ ея новыми учрежденіями, съ ея наносными съ запада идеями, съ ея поверхностною культурою. Не упуская никогда изъ вида въ своемъ изученіи и изложеніи русской исторіи крестьянина, Василий Осиповичъ посвящалъ ему и специальное вниманіе. Его статьи о происхожденіи крѣпостнаго права въ Россіи, о подушной подати и отмѣнѣ холопства составили цѣлую эпоху въ исторіографіи крѣпостнаго права. Они бросили новый и яркій свѣтъ на самое возникновеніе крѣпостнаго состоянія и на дальнѣйшій его ростъ, внесли существенныя поправки и дополненія въ обычныя представленія о происхожденіи крѣпостнаго права. Изложенныя въ этихъ статьяхъ наблюденія никогда не потеряютъ своей научной цѣны, какъ бы ни исправлялись въ частностяхъ, и всегда будутъ вліять на научные выводы. Нельзя не упомянуть также и о блестящемъ очеркѣ крѣпостнаго права въ пору его полнаго расцвѣта, въ царствованіе Екатерины II, о той многосторонней оцѣнкѣ, которую нашло въ изложеніи Василия Осиповича вліяніе крѣпостнаго права на экономическую, общественную и политическую жизнь Россіи, во второй половинѣ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка. Курсъ русской исторіи, составленный Василиемъ Осиповичемъ, можно назвать самымъ полнымъ и всестороннимъ изложеніемъ общей исторіи крестьянства въ Россіи. Василий Осиповичъ такъ крѣпко вдвинулъ исторію крестьянства въ общій курсъ русской исторіи, далъ ей тамъ такое органическое мѣсто, которое навсегда останется за нею и въ послѣдующихъ концепціяхъ русской исторіи. Онъ намѣтилъ всѣ главнѣйшія рубрики этой исторіи, всѣ основныя явленія, и послѣдующимъ изслѣдователямъ предстоитъ только пополнять эти рубрики деталями, давать новые факты, не мѣняя общей схемы. Бросивъ въ общественный оборотъ

цѣлую массу научныхъ идей по исторіи крестьянства вообще и крѣпостного права въ частности, Василій Осиповичъ влилъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ общественное настроеніе и всю ту массу теплыхъ и любовныхъ чувствъ къ крестьянству, съ какими онъ самъ изслѣдовалъ и излагалъ его судьбы».

«Предлагаю поэтому въ день исполняющагося пятидесятилѣтія крестьянской свободы, въ виду также скорого исполненія пятидесятилѣтія приобщенія Василія Осиповича къ высшей университетской наукѣ, почтить нашего дорогого и глубокоуважаемаго крестьянскаго историка возведеніемъ его въ почетные члены Московскаго университета. Василій Осиповичъ въ дѣйствительности уже давно состоитъ почетнымъ членомъ нашего университета, и торжественное возведеніе его въ это званіе явится только простымъ признаніемъ этого факта».

Совѣтъ присоединился къ этимъ мотивамъ и единогласно избралъ Василія Осиповича почетнымъ членомъ Московскаго университета (въ засѣданіи 26-го марта). Василію Осиповичу не суждено было при жизни носить это званіе: его утвержденіе пришло какъ разъ въ день его смерти, и почетнымъ членомъ Московскаго университета пришлось повелѣвать его въ объявленіи о его кончинѣ...

Въ послѣдніе годы жизни Василію Осиповичу пришлось принять нѣкоторое участіе въ переустройствѣ академической и общей политической жизни Россіи. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ обсужденіи различныхъ проектовъ и мѣръ къ обновленію университетскаго строя, былъ членомъ совѣтской комиссіи Московскаго университета. Его вызывали въ Петербургъ для участія въ трудахъ комиссіи о печати подъ предсѣдательствомъ Д. О. Кобеко. Какъ авторитетнаго ученаго, хорошо знающаго прошлое Россіи и могущаго поэтому смотрѣть правильно и въ ея будущее, Василія Осиповича привлекали и въ особое совѣщаніе, собиравшееся въ Петергофѣ подъ предсѣдательствомъ Государя Императора въ іюлѣ 1905 года для выработки положенія о Государственной Думѣ. Въ 1906 году Василій Осиповичъ былъ избранъ въ члены Государственнаго Совѣта отъ Академіи Наукъ и университетовъ, но немедленно отказался отъ этого званія, за невозможностью жить въ Петербургѣ. Василій Осиповичъ не могъ оторваться отъ основного дѣла своей жизни — построенія научной исторіи Россіи.

Въ исторіи Московскаго университета имя Василія Осиповича останется незабвенно. Онъ на своемъ примѣрѣ показалъ, сколь плодотворно можетъ работать ученый въ высшей школѣ, въ живомъ общеніи съ учащимися, доказавъ, что университетъ есть то самое мѣсто, гдѣ преимущественно можетъ быть разрабатываема истинная наука, проникнутая девизомъ — *non scholae, sed vitae*. Впрочемъ, Василій Осиповичъ понималъ этотъ девизъ не въ томъ только смыслѣ, что знать надо, чтобы жить, но и въ томъ, что жить надо, чтобы знать.

